

ЗВЕЗДЫ МИРОВОГО ДЕТЕКТИВА

Джеффри

ДИВЕР

ИСЧЕЗНУВШИЙ

Один из лучших романов Дивера!
Сюжет настолько извилист, что его можно сравнить
с винтовой лестницей.

Publishers Weekly

Линкольм Райм и Амелия Сакс

Джефффри Дивер

Исчезнувший

«Азбука-Аттикус»

2003

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44

Дивер Д.

Исчезнувший / Д. Дивер — «Азбука-Аттикус»,
2003 — (Линкольн Райм и Амелия Сакс)

ISBN 978-5-389-19998-9

По Нью-Йорку разгуливает серийный убийца. Он убивает с нечеловеческой жестокостью и каждый раз ускользает от полиции, словно растворяясь в воздухе. Наваждение? Мистика? Или трюки иллюзиониста? К расследованию привлекаются эксперт-криминалист Линкольн Райм, прикованный к инвалидному креслу, и его давняя напарница Амелия Сакс. Они начинают напряженную игру в кошки-мышки, где все не так, как может показаться на первый взгляд. Им надо поторопиться, потому что «фокусник» готовит ужасающий план мести...

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-389-19998-9

© Дивер Д., 2003
© Азбука-Аттикус, 2003

Содержание

Часть I	6
Глава 1	7
Глава 2	12
Глава 3	19
Глава 4	25
Глава 5	30
Глава 6	38
Глава 7	44
Глава 8	48
Глава 9	56
Глава 10	62
Глава 11	67
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Джеффри Дивер Исчезнувший

Jeffery Deaver

THE VANISHED MAN

Copyright © 2003, Gunner Publications LLC.

All rights reserved

Серия «Звезды мирового детектива»

Перевод с английского Сергея Певчева

Серийное оформление и оформление обложки Вадима Пожидаева

© С. Б. Певчев, перевод, 2006

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2021

Издательство АЗБУКА®

* * *

Фокусники считают, что любой трюк состоит из двух частей – эффекта и метода. Эффект – это то, что видит зритель... Метод – это скрывающийся за эффектом секрет, который как раз и позволяет ему проявиться.

Питер Ламонт, Ричард Уайзман. Теория магии

Часть I
Эффект
Суббота, 20 апреля

Опытный фокусник стремится ввести в заблуждение разум зрителя, а не его зрение.

Марвин Кай. Справочник искусного фокусника

Глава 1

Приветствуем вас, почтеннейшая публика! Добро пожаловать!

Добро пожаловать на наше представление.

У нас в запасе множество потрясающих вещей, и в ближайшие два дня наши иллюзионисты, фокусники и престижиджитаторы используют все свои навыки для того, чтобы увлечь и очаровать вас.

Наш первый номер – из репертуара исполнителя, о котором слышали все: это Гарри Гудини, величайший эскапист¹ Америки, а возможно, и всего мира, человек, выступавший перед коронованными особами и президентами США. Многие из его трюков настолько сложны, что никто так и не осмелился повторить их за все годы, минувшие после его безвременной смерти.

Сегодня, однако, мы повторим трюк, известный под названием «Ленивый палач», во время которого Гарри Гудини рисковал задохнуться.

Наш исполнитель лежит ничком, руки его скованы за спиной классическими наручниками «дарби», ноги также связаны, а другой конец веревки привязан к ним и обвит вокруг шеи наподобие петли. Любое движение ног натягивает веревку и начинает ужасный процесс удушья.

Почему этот номер называется «Ленивый палач»? Да потому, что приговоренный к смерти сам себя и казнит.

Во время исполнения наиболее опасных номеров рядом с мистером Гудини стояли наготове его ассистенты с ножами и ключами – на тот случай, если ему не удастся выбраться из оков. Часто поблизости дежурили и врач.

Сегодня всех этих предосторожностей не будет. Если за четыре минуты исполнитель не освободится сам, он умрет.

Через мгновение мы начинаем, но сначала позвольте дать вам один совет: никогда не забывайте, что, попав на наше представление, вы полностью отрешаетесь от реальности.

То, что кажется вам абсолютно подлинным, может вообще не существовать. То же, что вы принимаете за иллюзию, иногда оборачивается правдой.

Не удивляйтесь, поняв, что тот, с кем вы пришли на представление, совершенно чужой вам человек, а кто-то из сидящих в зале слишком хорошо знаком.

То, что, на ваш взгляд, безопасно, порой чревато смертельной опасностью. А те опасности, которых вы остерегаетесь, могут быть всего лишь приманкой, призванной отвлечь ваше внимание от куда более серьезных угроз.

Чему же вам верить на нашем представлении? Кому доверять?

Так вот, почтеннейшая публика: ничему верить вы не должны.

Тем более никому не доверяйте. Запомните: никому.

А сейчас занавес поднимается, прожектора загораются, музыка стихает, и лишь чуть слышен слабый стук сердец, сжимающихся в предвкушении чего-то необычного.

Представление начинается...

Дом выглядел так, будто повидал на своем веку немало привидений.

Это было зажатое между двумя небоскребами Верхнего Вест-Сайда темно-коричневое сооружение в готическом стиле, построенное еще в Викторианскую эпоху, – со множеством закрытых ставнями окон и прогулочной площадкой на крыше. Когда-то здесь размещалась

¹ Эскапист – артист, способный освободиться от любых пут и совершить побег из любой западни. – Здесь и далее примеч. перев.

школа-интернат, позднее – психиатрическая лечебница, где душевнобольные преступники доживали свой нескладный век.

Да, Манхэттенская школа музыки и исполнительского искусства, должно быть, служила пристанищем для внушительного количества духов.

Один из них, возможно, витал где-то неподалеку – над еще не остывшим телом молодой женщины, лежавшей навзничь в полутемном вестибюле, возле небольшого концертного зала. Ее широко раскрытые неподвижные глаза пока не остекленели, а кровь на щеке не приобрела бурый оттенок.

Светлая от природы кожа сейчас из-за удушья стала темно-фиолетовой – ноги и шею женщины соединяла туго натянутая веревка.

Вокруг валялись ноты, футляр от флейты и пустая кофейная чашка; разлитый кофе запачкал джинсы и зеленую рубашку женщины, оставив на мраморном полу темные пятна.

Ее убийца сидел рядом на корточках и внимательно разглядывал жертву. Он явно никуда не спешил, поскольку знал, что по выходным занятий в школе нет, а сейчас было раннее утро субботы. Правда, студенты и сегодня пользовались репетиционными залами, но они располагались в другом крыле здания. Склонившись над женщиной, убийца прищурился – он надеялся увидеть, как от ее тела отделяется некая субстанция, дух, но ничего подобного так и не разглядел.

Выпрямившись, убийца прикинул, что делать с лежавшим перед ним неподвижным телом.

– Вы уверены, что тут визжали?

– Ага... то есть нет, – ответил охранник. – Знаете, скорее не визжали, а истошно кричали. Всего секунду или две. Потом все стихло.

– Кто-нибудь еще что-нибудь слышал? – спросила Диана Францискович, сотрудница патрульной службы Двадцатого полицейского участка.

Взглянув на высокую черноволосую женщину-полицейского, грузный охранник молча покачал головой. Сжав и разжав огромные кулаки, он вытер темные ладони о свои голубые брюки.

– Вызовем подмогу? – спросила у Дианы ее напарница Нэнси Аусонио. Тоже новичок в полиции, она была ниже напарницы и светловолоса.

Францискович не знала, как поступить, хотя все больше склонялась к тому, что подмога не нужна. В этой части Верхнего Вест-Сайда патрульные в основном имели дело с дорожными инцидентами, кражей товаров в магазинах, угоном машин и с уличными грабителями. С таким происшествием, как сейчас, они столкнулись впервые. Сегодня во время утреннего дежурства охранник, заметив на улице двух женщин-полицейских, пригласил их в здание, чтобы они проверили, кто там визжит. Ну, то есть истошно кричит.

– Давай пока воздержимся, – внешне спокойно отозвалась Францискович. – Сначала узнаем, что здесь случилось.

– Кричали вроде оттуда, – пояснил охранник. – Не знаю, что и подумать.

– Нечистое место, – заметила Аусонио. Сейчас она особенно волновалась, хотя обычно ничуть не боялась лезть в самую гущу драки. – Ну да, странные звуки. Трудно сказать, что это. Понимаешь, о чем я? Откуда же они доносятся?

И в самом деле чертовщина, подумала Францискович, догадавшись, что имеет в виду ее напарница.

Пройдя в крошечной тьме долгий путь и не обнаружив ничего подозрительного, охранник остановился.

– А там что? – Францискович указала на видневшуюся в конце коридора дверь.

– Там не должно быть студентов. Разве что...

Францискович распахнула дверь в небольшой холл, располагавшийся перед концертным залом А. Возле двери, ведущей в зал, лежало тело молодой женщины. Ее руки были скованы наручниками, ноги связаны, вокруг шеи обвивалась веревка. Остекленевшие глаза были открыты. Над телом склонился бородатый мужчина с каштановыми волосами, лет пятидесяти с небольшим. Удивленный неожиданным появлением людей, он вздрогнул и отвел взгляд от тела.

– Нет! – крикнула Аусонио.

– О боже! – воскликнул охранник.

Полицейские выхватили оружие, и Францискович на удивление твердой рукой взяла мужчину на мушку.

– Эй, вы, не двигаться! Медленно встаньте, отойдите от трупа и поднимите руки. – Голос Францискович был куда менее тверд, чем ее пальцы, сжимавшие «глок». Мужчина подчинился. – Теперь ложитесь на пол, лицом вниз. Руки держите на виду!

Аусонио направилась к девушке. Только в этот момент Францискович заметила, что поднятая над головой правая рука мужчины сжата в кулак.

– Разожмите ваш...

Ап!..

Ее ослепила яркая вспышка. Свет, полыхнувший из руки подозреваемого, озарил комнату. Аусонио замерла, пригнулась, подалась назад и, ничего не видя, отчаянно заморгала. Пистолет дрожал в ее руке. Охваченная паникой, она понимала, что убийца во время вспышки наверняка зажмурился, а сейчас, возможно, нацеливает на них свой пистолет или подбирается к ним с ножом в руке.

– Где, где, где? – крикнула она.

Но тут она увидела – очень смутно, сквозь все еще густой дым, – что убийца убегает в концертный зал. Он громко хлопнул дверью, и в зале послышался какой-то шум, словно там придвигали к двери стол или стул.

Опустившись на колени перед жертвой, Аусонио швейцарским армейским ножом перерезала веревку и начала делать девушке искусственное дыхание.

– Есть тут другие выходы? – спросила охранника Францискович.

– Только один – сзади, за углом справа.

– А окна?

– Их нет.

– Эй, – на бегу бросила она Аусонио, – следи за той дверью!

– Поняла! – ответила блондинка и снова попыталась вдохнуть воздух в полуоткрытый рот жертвы.

В зале вновь послышался грохот, – очевидно, убийца продолжал воздвигать свою баррикаду. Вызвав по рации подмогу, Францискович бросилась к двери, о которой говорил охранник. В конце коридора кто-то был. Быстро остановившись, Францискович нацелилась в грудь стоявшего впереди мужчины и направила на него ослепительный луч галогенового фонарика.

– Господи! – выдохнул пожилой уборщик, уронив на пол свою метлу.

Францискович поблагодарила Бога за то, что не держала сейчас палец на спусковом крючке «глока».

– Кто-нибудь выходил из этой двери?

– Да что здесь происходит?

– Вы кого-нибудь видели? – крикнула Францискович.

– Нет, мэм.

– А давно ли вы здесь находитесь?

– Не знаю. Минут десять, наверно.

В зале по-прежнему передвигали мебель. Отправив уборщика и охранника в главный коридор, Францискович медленно двинулась к боковой двери. Держа пистолет на уровне глаз, она осторожно нажала на ручку. Дверь была не заперта. Сделав шаг в сторону, Францискович отошла от линии огня – на тот случай, если преступник начнет стрелять прямо через дверь. Такой трюк она видела в кино, хотя и в школе полиции инструктор, кажется, тоже предупреждал об этом.

Снова грохот.

– Нэнси, ты здесь? – прошептала Францискович в переговорное устройство.

– Она мертва, – дрожащим голосом сказала Аусонио. – Я старалась. Но она мертва.

– Он отсюда не выходил. Он все еще внутри. Я его слышу.

– Я старалась, Диана. Старалась.

– Забудь об этом. Сейчас надо действовать, понимаешь?

– Да я уже успокоилась. Правда успокоилась. Давай возьмем его.

– Нет, – возразила Францискович, – мы будем его сторожить до тех пор, пока не приедет группа захвата. Это все, что мы можем сделать. Сиди тихо. Следи за дверью и сиди тихо.

И тут она услышала, как убийца кричит из-за двери:

– У меня заложница! У меня здесь заложница. Только попробуйте войти, и я убью ее!

О господи...

– Вы, там, внутри! – заорала Францискович. – Никто не собирается ничего делать. Не беспокойтесь. Только никого больше не убивайте.

«Правильно ли я поступаю?» – думала Францискович. Ни по телевизору, ни в школе полиции ни о чем таком не говорили. Она слышала, как Аусонио звонит в Центральную и докладывает, что ситуация еще больше осложнилась – убийца построил баррикаду и взял заложницу.

– Только не волнуйтесь! – крикнула Францискович преступнику. – Вы можете... – Раздался громкий выстрел. Францискович вздрогнула от неожиданности. – Что случилось? Это ты стреляла? – спросила она в переговорное устройство.

– Нет, – ответила напарница. – Я думала, это ты.

– С тобой все в порядке?

– Да. Он сказал, что взял заложницу. Может, он застрелил ее?

– Не знаю, – раздраженно ответила Францискович, подумав: «Где же, черт побери, подмога?»

– Диана, – помолчав, прошептала Аусонио, – нам нужно туда войти. Вдруг она ранена и истекает кровью. Эй, вы, там, внутри! – крикнула она. Никакого ответа. – Эй, вы, там! – Никакой реакции.

– Может, он покончил с собой? – предположила Францискович. – Или просто выстрелил, чтобы мы решили, будто он покончил с собой, а теперь поджидает нас внутри?

И тут перед ее глазами возникла чудовищная картина: дверь в вестибюль открывается, озаряя бледным светом жертву, лицо которой холодное и синее, как зимние сумерки. Вот для этого она и пошла работать в полицию – чтобы помешать разным гадам совершать подобные преступления.

– Нужно войти туда, Диана, – прошептала Аусонио.

– Об этом я думаю. Ладно. Пошли. – Голос Францискович звучал несколько отрешенно. В этот момент она размышляла о своей семье и о том, как получше обхватить левой рукой правую, если придется стрелять. – Скажи охраннику, что нужно зажечь свет в зале.

– Выключатель здесь, рядом, – отозвалась Аусонио. – Он включит свет, когда я его попрошу. – Аусонио вздохнула: – Ну все, я готова. На счет «три». Считай ты.

– Ладно. Один... Подожди. Когда ворвемся в зал, я буду в двух шагах от тебя. Смотри не застрели.

– Ладно. Два шага. Я буду...

– Ты будешь слева от меня.

– Давай!

– Один. – Францискович сжала ручку двери. – Два. – Ее палец коснулся предохранителя. – Три! – крикнула Францискович так громко, что напарница наверняка услышала ее и без рации.

В большой прямоугольный зал она ворвалась в тот момент, когда зажегся ослепительный свет.

– Стоять! – гаркнула Францискович в пустую комнату.

Пригнувшись, она водила пистолетом из стороны в сторону, осматривая каждый дюйм.

Ни убийцы, ни заложницы.

Францискович метнула взгляд влево, где в других дверях стояла Нэнси Аусонио, точно так же лихорадочно осматривая зал.

– Где он? – прошептала та.

Францискович лишь покачала головой. В зале ровными рядами было расставлено около пятидесяти деревянных складных стульев. Четыре или пять из них лежали на боку, что, однако, ничуть не напоминало баррикаду, поскольку все они находились в разных местах. Справа, на низкой сцене, стояли усилитель, две колонки и поцарапанное старое пианино. Рядом валялось множество проводов.

Молодые полицейские видели в зале все, кроме преступника.

– Что случилось, Нэнси? Объясни мне, что случилось.

Аусонио не отвечала; как и ее напарница, она лихорадочно озиралась по сторонам, осматривая все подряд, хотя уже поняла, что убийцы здесь нет.

Чертовщина...

Помещение напоминало погреб. Окон здесь не было. Проемы для отопления и вентиляции не превышали в диаметре и пятнадцати сантиметров. Деревянный потолок – без акустической плитки. В полу сцены никаких люков. И нет других дверей, кроме той, в которую ворвалась Аусонио, а также пожарной, через которую проникла Францискович.

– Где он? – выдохнула Францискович.

Нэнси прошептала что-то в ответ. Ее напарница не разобрала, что именно, однако по растерянному лицу Нэнси угадала: понятия не имею.

– Эй! – позвал кто-то из вестибюля. Девушки быстро обернулись, но никого не увидели. – Только что приехала «скорая» и несколько полицейских. – Это говорил спрятавшийся где-то охранник.

Чувствуя, как учащенно бьется у нее сердце, Францискович позвала его в зал.

– Стало быть, это... Я хочу сказать – вы взяли его?

– Убийцы здесь нет, – нетвердым голосом сообщила Аусонио.

– Что?! – Охранник осторожно заглянул в зал.

– Тут есть какие-нибудь потайные люки или что-нибудь в этом роде?

– Нет, мэм. Ничего такого. Так его здесь нет?

В коридоре слышались голоса полицейских и медиков «скорой помощи», негромко позвякивало привезенное ими оборудование. Девушки все еще никак не могли заставить себя присоединиться к коллегам. Потрясенные, они с тяжелым чувством стояли посреди концертного зала, тщетно пытаясь понять, как же убийца сбежал из помещения, откуда не было выхода.

Глава 2

– Значит, он слушает музыку.

– Ничего я не слушаю. Просто музыка была включена, вот и все.

– Музыка? – пробормотал Лон Селитто, входя в спальню Линкольна Райма. – Какое совпадение!

– А он, оказывается, ценит джаз, – обратился Том к пузатому детективу. – Что меня весьма удивляет.

– Как я уже говорил, – раздраженно пояснил Линкольн Райм, – сейчас я работаю, а музыка звучит. И что ты имел в виду, сказав о совпадении?

– Нет, он не работает. – Юный помощник в желтовато-коричневых брюках, белой рубашке и однотонном фиолетовом галстуке кивнул на стоящий у кровати монитор с плоским экраном. – Смотреть целый час на одну и ту же страницу – это трудно назвать работой. Уж мне бы он не позволил так работать!

– Приказываю перевернуть страницу. – Узнав голос Райма, компьютер подчинился, и на экране появилась новая страница «Вестника криминалистики». – Не хочешь ли участвовать в викторине и угадать состав пяти экзотических ядов, недавно найденных в террористических лабораториях в Европе? – язвительно спросил он Тома. – Может, так мы заработаем большие деньги?

– Нет, у нас есть другие дела, – ответил помощник, намекая на различные процедуры, которые несколько раз в день приходилось проделывать таким парализованным больным, как Линкольн Райм.

– Этим мы займемся через несколько минут, – согласился криминалист, с наслаждением слушая сольную импровизацию.

– Нет, мы займемся этим сейчас. Надеюсь, вы извините нас, Лон.

– Конечно. – Растрепанный Селитто вышел в коридор, прикрыв за собой дверь.

Спальня Райма находилась на втором этаже его особняка, располагавшегося в Централ-Парк-Вест.

Пока Том искусно выполнял свои обязанности, Линкольн Райм, прислушиваясь к музыке, лениво размышлял над тем, что имел в виду Лон, когда говорил о совпадении.

Через пять минут Том впустил Селитто в спальню.

– Кофе?

– Да, немного. Приходится слишком рано начинать работу, да еще в субботу.

Помощник удалился.

– Ну, как я выгляжу, Линк? – спросил детектив.

В свои сорок с лишним лет он почему-то всегда ходил в мятой одежде. Вот и сейчас на нем был мятый серый костюм.

– Что, отправляешься на показ мод? – усмехнулся Райм.

Совпадение?

Мысли Райма вернулись к джазовой музыке. И как, черт побери, кому-то удастся заставить трубу звучать столь вкрадчиво? Как вообще извлекают подобные звуки из металлического инструмента?

– Я сбросил шестнадцать фунтов, – продолжал детектив. – Рейчел посадила меня на диету. Хуже всего жирная пища. Если отказаться от жиров, можно сбросить очень много.

– По-моему, это давно известно, Лон. Так что...

– Странное дело. Полчаса назад в музыкальной школе, неподалеку отсюда, нашли труп. Расследование веду я, и мне нужна кое-какая помощь.

«Музыкальная школа. А я слушаю музыку. Вот какое неприятное совпадение».

Селитто бегло перечислил факты. Убита студентка, преступника почти удалось схватить, но он бежал через какой-то потайной люк, который никто не может найти.

Музыка поддается математическому описанию. Как ученый, Райм прекрасно понимал это. Она логична, прекрасно структурирована. Кроме того, думал он, музыка бесконечна. Можно создать бесчисленное множество мелодий. Писать музыку вам никогда не наскучит. Райм попытался представить, каково это – писать музыку. Сам он считал, что не обладает творческими способностями. В одиннадцать или двенадцать лет Райм брал уроки фортепьяно, но хотя страстно влюбился тогда в мисс Блейкли, эти занятия ничего ему не дали.

– Так ты со мной, Линк?

– Ты же сказал, что дело странное.

Постепенно завладевая вниманием Райма, Селитто привел новые детали.

– Из зала наверняка можно как-то выбраться. Но ни в самой школе, ни в нашей команде никто не понимает как.

– А место преступления?

– Все еще не тронуто. Нельзя ли поручить это Амелии?

Райм взглянул на часы:

– Она будет занята еще минут двадцать.

– Это не проблема. – Селитто похлопал себя по животу так, словно искал исчезнувшие фунты. – Я позвоню ей на пейджер.

– Только не отвлекай ее сейчас.

– Почему? Что она такое делает?

– Наверняка что-нибудь опасное, – рассеянно отозвался Райм, вновь сосредоточившись на сладком звуке трубы. – Что же еще?

Прижавшись лицом к стене дома, она вдыхала запах сырого кирпича.

Ладони ее вспотели, голова под копной огненно-рыжих волос отчаянно чесалась. Амелия не шевельнулась даже тогда, когда к ней тихо приблизился одетый в форму полицейский и тоже сразу уткнулся лицом в кирпичную стену.

– В общем, ситуация вот такая, – начал полицейский. По его словам, за углом дома находилась пустая автостоянка, посреди которой сейчас стояла угнанная машина. После длительной погони она попала в аварию.

– Машина на ходу? – спросила Амелия Сакс.

– Нет. Врезалась в мусорный ящик и разбилась. Три преступника – мы преследовали всех троих, но одного потом взяли. Второй сидит в машине с каким-то жутким охотничьим ружьем – ранил из него патрульного.

– Что за рана?

– Поверхностная.

– Он там?

– Нет, смог уйти.

– А третий преступник? – спросила она.

Полицейский вздохнул:

– Черт побери, он пробрался на первый этаж вот этого здания. – Он ткнул пальцем в стену дома, к которой они сейчас прижимались. – Преступник забаррикадировался и взял заложницу – беременную женщину.

Обдумывая информацию, Сакс переступила с ноги на ногу. «Черт, как больно! Проклятый артрит».

– А какое оружие у того, кто захватил заложницу, Уилкинс? – спросила она, прочитав имя своего собеседника у него на груди.

– Пистолет. Незвестной системы.

– А где наши?

Молодой человек указал на двух полицейских, прятавшихся в задней части стоянки, за оградой.

– Еще двое перед зданием.

– Группу захвата вызывали?

– Не знаю. Когда мы начали стрелять, я потерял свой переговорник.

– Бронежилет есть?

– Нет. Я ведь не собирался вступать в перестрелку... Так что же нам делать?

– Проверяющий, говорит пятьдесят восемь восемьдесят пять, – переключив «Моторолу» на специальную частоту, сказала Амелия.

– Говорит капитан семьдесят четыре, – ответил мужской голос. – Продолжайте.

– Десять тринадцать на стоянке к востоку от шесть ноль пять Деланси. Нападение на офицера. Нужно подкрепление: машина «скорой помощи» и немедленно группа захвата. Двое преступников, оба вооружены. Один захватил заложника, так что нам еще необходим переговорщик.

– Вас понял, пятьдесят восемь восемьдесят пять. Выслать вертолет для наблюдения?

– Нет, семьдесят четвертый. У одного из преступников есть мощное ружье, и они оба горят желанием пострелять «синих»².

– Мы скоро пришем подмогу. Вот только секретная служба перекрыла половину города – вице-президент едет из аэропорта Кеннеди. Это задержит нас. Пока действуйте по своему усмотрению. Конец связи.

– Вас поняла. Конец связи.

«Вице-президент только что лишился одного голоса избирателя, – подумала Амелия. – *Моего*».

Уилкинс покачал головой:

– Нам не удастся подвести переговорщика к зданию – снайпер ведь сидит в машине.

– Над этим я и работаю, – ответила Сакс. Подвинувшись к углу дома, она снова посмотрела на машину – дешевую модель, упирающуюся носом в мусорный бак. Сквозь распахнутые настежь двери Амелия увидела худого мужчину с ружьем.

Над этим я и работаю...

– Эй, в машине! – крикнула она. – Вы окружены. Если не бросите оружие, мы откроем огонь. Бросьте его сейчас же!

Быстро повернувшись, мужчина направил ружье в ее сторону. Амелия тотчас же скрылась за углом и по «Мотороле» вызвала двух полицейских, засевших в задней части стоянки.

– В машине есть заложники?

– Нет.

– Уверены?

– Да, – ответил полицейский. – Мы все хорошо рассмотрели до того, как он начал стрелять.

– Ладно. Сможете попасть в него?

– Разве что через дверь.

– Нет, вслепую не стреляйте. Подберитесь поближе, но только в том случае, если вас все время будут прикрывать.

– Принято.

Амелия увидела, как двое полицейских смещаются к флангу.

– Теперь я готов его пристрелить, – через мгновение сказал один из них. – Стрелять?

² У полицейских в США синяя форма.

– Ждите команды, – ответила она и громко крикнула: – Эй, вы, там, в машине! С ружьем! У вас есть десять секунд, после чего мы открываем огонь. Бросьте оружие. Вы поняли? – Она повторила это по-испански.

– Пошла ты!

Что ж, все ясно.

– Десять секунд! – снова крикнула Амелия. – Отсчет пошел. Дайте ему двадцать секунд, – передала она по рации. – После этого открываю для вас зеленый свет.

На исходе десятой секунды сидевший в машине преступник бросил винтовку и встал, подняв руки вверх.

– Не стреляйте, не стреляйте!

– Не опускайте руки и подойдите сюда, к углу здания. Если вы опустите руки, будем стрелять.

Когда преступник подошел к дому, Уилкинс надел на него наручники и сразу обыскал.

– Тот парень внутри, – Сакс присела на корточки, – кто он такой?

– Я не стану вам...

– Нет, станешь! Иначе, когда мы возьмем его – а мы как раз собираемся это сделать, – ты сам пойдешь под суд за уголовное преступление. Неужели этот парень стоит сорока пяти лет в Оссининге?³

Мужчина вздохнул.

– Ну давай! – рявкнула Амелия. – Имя, адрес, дети, что он предпочитает на обед, девичья фамилия матери, есть ли у него родственники в заключении – словом, любая информация, которая может оказаться полезной.

Пока он говорил, Сакс торопливо записывала его слова. Неожиданно затрещала ее «Моторола». К дому только что подъехали переговорщик и группа захвата.

– Отдайте их переговорщику. – Амелия вручила свои записи Уилкинсу.

Зачитывая снайперу его права, она думала о том, все ли сделала правильно, не зря ли рисковала жизнью людей? Может, следовало самой проверить состояние раненого?

Через пять минут из-за угла здания показался капитан.

– Женщину освободили, – с улыбкой сообщил он. – Она цела и невредима. Всех троих взяли как миленьких. А с раненым все будет в порядке – у него простая царапина.

Вскоре к ним присоединилась женщина-полицейский; из-под ее форменной шляпы выбивались короткие светлые волосы.

– Эй, смотрите! Мы получили дополнительный приз. – Она подняла повыше большой мешочек с белым порошком; в другом мешочке лежали трубки и прочие принадлежности наркоманов.

Взглянув на трофеи, капитан одобрительно кивнул.

– Это было в их машине? – спросила Сакс.

– Нет. Я нашла это в машине – она стояла на другой стороне улицы. Я допрашивала ее владельца в качестве свидетеля, но его вдруг прошиб пот, и он так занервничал, что я обыскала его машину.

– Где она была припаркована? – осведомилась Сакс.

– В его гараже.

– У вас был ордер на обыск?

– Нет. Как я уже говорила, он слишком нервничал, а мне с тротуара был виден край того мешка. Поэтому я имела убедительные причины.

– Ничего подобного! – Сакс покачала головой. – Это незаконный обыск.

³ *Оссининг* – город, где расположена известная тюрьма Синг-Синг.

– Незаконный? Да мы на прошлой неделе останавливали его за превышение скорости и нашли в багажнике килограмм марихуаны. Так что мы его уже и раньше брали.

– На улице – это другое дело. Если машина движется по дороге, тут о неприкосновенности личной жизни особо печься не приходится. А вот когда машина находится на частной территории, то, если вы даже видите наркотики, для обыска и ареста вам нужно получить ордер.

– Но это же безумие! – возразила женщина. – У него там было десять унций чистого кокаина. Он самый настоящий наркодилер. Служба по борьбе с наркотиками месяцами гоняется за такими, как он.

– Вы уверены в том, что сказали, офицер? – спросил у Сакс капитан.

– Абсолютно.

– Ваши рекомендации?

– Конфисковать наркотик, нагнать страху божьего на этого правонарушителя и передать его данные в службу по борьбе с наркотиками. – Амелия посмотрела на женщину-полицейского. – А вам стоит подучить правила проведения обысков и арестов.

Женщина начала спорить, но Сакс, не обращая на нее внимания, пристально разглядывала пустую автостоянку, где возле мусорного бака все еще оставалась угнанная преступниками машина.

– Офицер... – начал капитан.

– Вы сказали: трое преступников? – перебила его Сакс, обратившись к Уилкинсу.

– Да.

– А откуда вам это известно?

– Так сообщалось в отчете об ограблении ювелирного магазина.

Отделившись от стены, Сакс достала свой «глок».

– А теперь взгляните на угнанную машину! – рявкнула она.

– О боже! – воскликнул Уилкинс.

Все дверцы машины были распахнуты. Беглецов оказалось не трое, а четверо.

Пригнувшись, Сакс быстро осмотрела автостоянку и навела пистолет на то единственное место, где можно было спрятаться, – небольшое пространство позади мусорного бака.

– К бою! – заметив какое-то движение, сразу же крикнула она.

Все пригнулись. Из-за бака вдруг выскочил крупный мужчина в футболке и стремительно бросился в сторону улицы. В руках у него был дробовик.

– Бросай оружие! – приказала Сакс, прицелившись ему в грудь.

На миг замешкавшись, он ухмыльнулся и стал наводить дробовик на полицейских. Сакс выставила вперед свой «глок» и весело проговорила:

– Бац, бац... Ага, попался!

Мужчина с ружьем засмеялся и, остановившись, восхищенно покачал головой:

– Здорово! А я уже думал, что сделал вас.

Закинув на плечо увесистый дробовик, он направился к стоявшим возле дома своим коллегам-полицейским. Другой «преступник», сидевший в машине, повернулся так, чтобы с него сняли наручники. Уилкинс освободил его.

Секундой позже к ним присоединилась «заложница» – женщина-полицейский латиноамериканского происхождения, которую Сакс знала уже много лет. Разумеется, никаких признаков беременности у нее не было.

– Прекрасно сработано, Амелия, ты меня просто спасла! – похлопав Сакс по спине, с чувством произнесла она.

Весьма довольная собой, Сакс тем не менее сохраняла серьезное выражение лица – словно школьница, только что сдавшая важный экзамен.

По сути дела, так оно и было.

Амелия Сакс добивалась нового назначения. Ее отец Герман всю жизнь работал в патрульно-постовой службе, и Сакс, имевшая сейчас то же звание, готова была прослужить там еще несколько лет, но после 11 сентября решила, что способна сделать для родного города гораздо больше. Поэтому и вознамерилась перейти на бумажную работу, надеясь получить звание сержанта уголовной полиции.

В деле борьбы с преступностью ни одна правоохранительная служба Нью-Йорка не имела таких заслуг, как уголовная полиция. Ее традиции восходили к несгибаемому инспектору Томасу Бирнсу, возглавлявшему в 1880-х годах только что созданное детективное бюро. Характерные для Бирнса приемы включали в себя как угрозы и тяжелые удары в челюсть, так и весьма искусные умозаключения. Однажды он нашел украденное кольцо по одной крошечной улике, обнаруженной им на месте преступления. Под энергичным руководством Бирнса детективы, получившие прозвище «бессмертные», радикально снизили уровень преступности в городе, который в те времена имел столь же дурную репутацию, как и любой штат Дикого Запада.

Герман Сакс коллекционировал памятные вещи, связанные с историей нью-йоркской полиции. Незадолго до смерти он передал дочери одну из своих самых дорогих реликвий – потрепанный блокнот, в котором Бирнс вел записи о проведенных им расследованиях. Сакс помнила, с каким интересом слушала в детстве отца, читавшего ей вслух наиболее интересные отрывки из этого блокнота, и они вместе придумывали соответствующие случаю истории.

12 октября 1883 года. Найдена вторая нога! Угольный бункер Слаггарди, 5-я ул. Ожидая скорого признания Коттона Уильямса.

Несмотря на высокий престиж детективного бюро (и высокую зарплату его сотрудников), женщинам, как ни странно, всегда предоставляли здесь больше возможностей для служебного роста, чем в любом другом подразделении нью-йоркской полиции. Если Томас Бирнс символизировал мужское начало этого бюро, то Мэри Шенли – женское. Считая ее героиней, Амелия преклонялась перед ней. В далеких 1930-х годах Шенли заслужила репутацию жесткого, бескомпромиссного полицейского. «Если у вас есть оружие, его надо использовать», – как-то сказала она и следовала этому правилу довольно часто. На пенсию Шенли ушла с должности детектива первого класса.

Сакс, однако, хотела не просто быть детективом, но и получить звание. В нью-йоркской полиции, как и в большей части других полицейских служб, стать детективом можно, лишь обладая соответствующими заслугами и опытом, а вот для того, чтобы получить звание сержанта, необходимо сдать устные и письменные экзамены. Кроме того, как это только что случилось с Сакс, придется пройти итоговые учения, позволяющие выявить практические навыки соискателя в управлении личным составом, умении работать в команде и принимать эффективные решения в боевой обстановке.

Капитан, учтивый ветеран, внешне напоминавший Лоренса Фишберна, должен был оценить поведение Сакс на таких учениях.

– Ну что ж, офицер, – улыбнулся он, – мы подробно опишем ваши результаты, и их приобщат к вашему личному делу. Однако сейчас я хочу сказать вам несколько слов неофициально. – Капитан заглянул в свой блокнот. – Вы совершенно точно оценили угрозу, которой могли подвергнуться сотрудники и гражданские лица, и своевременно обратились за подмогой в соответствии с ситуацией. Личный состав был развернут максимально скрытно и вместе с тем так, что у нарушителей не осталось никаких шансов выйти из окружения. Вы правильно квалифицировали незаконный обыск. А получение от одного из подозреваемых информации личного характера позволило переговорщику использовать ее. Так что это было весьма удачным вашим ходом. Такие моменты мы раньше не отрабатывали, а теперь стоит об этом подумать. Ну и наконец, мы даже не предполагали, что вы вычислите четвертого нарушителя. Планировалось, что он подстрелит офицера Уилкинса, – тогда мы бы посмотрели, как вы справитесь с

ситуацией, связанной с потерей личного состава, и организуете преследование преступника. – Забыв об официальном характере разговора, капитан широко улыбнулся. – Однако вы все же сумели подстрелить этого мерзавца. Бац, бац! Вы ведь уже сдали устные и письменные экзамены?

– Так точно, сэр. Результаты скоро объявят.

– Моя группа даст оценку учениям и направит в комиссию вместе со своими рекомендациями. А сейчас вы свободны.

– Есть, сэр!

Коп, изображавший последнего плохого парня – того, что с дробовиком, – приблизился к Сакс. Это был красивый итальянец с мышцами боксера – явный выходец из бруклинских доков. Его щеки и подбородок заросли щетиной. На бедре красовался крупнокалиберный пистолет, и Сакс подумала, что этот самоуверенный улыбчивый итальянец вполне мог бы бриться, используя этот пистолет вместо зеркала.

– Должен тебе сказать, что я участвовал в дюжине учений, и нынешнее было лучшим из всех, детка.

Это приятно удивило Амелию. Конечно, в управлении еще оставались подобные троглодиты – от рядовых патрульных до высшего руководства, – но обычно они вели себя снисходительно, не проявляя откровенного желания. Сакс уже почти год не слышала от мужчин-полицейских словечек вроде «детка» или «милая».

– Если не возражаешь, называй меня офицером.

– Нет-нет! – рассмеялся он. – Успокойся. Учения ведь уже закончились.

– Ну и что с того?

– Когда я говорю «детка», это не относится к учениям. Не считай это должностным преступлением. Я говорю это потому, что восхищен. И потому, что ты такая... ну, ты знаешь. – Он просял. – Я не горазд на комплименты, и от меня не часто услышишь такое.

– Потому что ты такой... ну, ты знаешь.

– Эй, ты не обиделась?

– Ничуть. Но все-таки называй меня офицером. И я буду так же обращаться к тебе.

– Я не хотел обидеть тебя. Ты красивая девушка. А я парень. Ты ведь знаешь, что это значит... Так вот.

– Да, так вот, детка, – ответила Сакс и пошла прочь.

Нахмурившись, он преградил ей путь:

– Эй, подожди! Как-то нехорошо получается. Давай я куплю тебе пива. Когда узнаешь меня лучше, я понравлюсь тебе.

– Это еще вопрос! – рассмеялся один из его приятелей.

Добродушно показав ему средний палец, «детка» снова повернулся к Сакс. В этот момент ее пейджер подал звуковой сигнал, и она увидела на экране номер Райма, после чего там появилось слово «срочно».

– Надо идти, – сказала Сакс.

– Значит, на пиво времени нет? – огорчился полицейский.

– Нет.

– А как насчет телефончика?

Изобразив пистолет большим и указательным пальцем, Амелия направила на него воображаемый ствол и, выкрикнув: «Бац, бац!» – побежала к своему желтому «камаро».

Глава 3

И это называется школой?

Волоча за собой большую черную сумку на колесиках, Сакс шла по полутемному коридору. Пахло плесенью и старым деревом, с высокого потолка свисала густая паутина.

Как здесь можно изучать музыку? Все очень напоминает обстановку из романов Анны Райс, которые так любит читать ее мать.

– Нечистое место, – то ли в шутку, то ли всерьез пробормотал один из полицейских, и этим было все сказано.

Шестеро копов – четверо патрульных и двое в гражданской одежде – стояли в конце зала возле двустворчатых дверей. Наклонив голову и сжимая в руке один из своих традиционных блокнотов, о чем-то разговаривал с охранником взъерошенный Лон Селитто. Форменная одежда охранника была такой же пыльной и грязной, как и все здешние полы и стены.

Через открытую дверь было видно еще одно полутемное помещение, посреди которого лежало тело жертвы.

– Нам нужно освещение. Пара комплектов, – сказала Сакс технику.

Кивнув, молодой человек направился к своей МБР – машине быстрого реагирования, битком набитой оборудованием, необходимым для работы на месте преступления.

Машина стояла возле здания, заняв часть тротуара, – наверняка техник ехал сюда не с такой скоростью, как Сакс, ухитрившаяся разогнать свою развалюху 1969 года выпуска до семидесяти миль в час.

Амелия пристально рассматривала юную блондинку, лежавшую в трех метрах от нее. Из-за того что руки девушки были скованы наручниками за спиной, живот дугой выдавался вверх. Даже в полутьме вестибюля зоркая Сакс могла заметить на шее жертвы странгуляционные борозды, кровь на губах и подбородке, – вероятно, она прикусила язык, что обычно бывает при удушении.

Обручального кольца нет, в ушах недорогие, изумрудного цвета сережки, на ногах поношенные кроссовки, машинально отметила Сакс. Следовательно, отсутствуют видимые признаки ограбления, сексуального насилия или нанесения увечий.

– Кто из полицейских оказался здесь первым?

– Мы. – Высокая женщина с коротко стриженными темными волосами, на именной бирке которой значилось «Д. Францискович», кивнула в сторону своей светловолосой напарницы – «Н. Аусонио».

Лица обеих выражали беспокойство; Францискович нервно постукивала пальцами по кобуре пистолета, Аусонио не отрывала взгляда от тела жертвы, и Сакс решила, что та впервые столкнулась с убийством.

Патрульные подробно рассказали Амелии о том, как они обнаружили преступника, о вспышке света, о баррикаде, о его бегстве.

– По вашим словам, он заявил, будто взял заложника?

– Да, – ответила Аусонио, – но в школе все вроде бы на месте, поэтому мы уверены, что он блефовал.

– Кто жертва?

– Светлана Разникова, – сказала Аусонио. – Двадцать четыре года, студентка.

– Беддинг и Саул опросили сегодня утром всех, кто находился в здании, – добавил Селитто.

– А кто побывал внутри?

– Сначала офицеры. – Селитто указал на женщин. – Потом двое медиков и двое из группы захвата. Они ушли сразу же, как только все проверили. Место преступления все еще не тронут.

– Там еще был охранник, – пояснила Аусонио. – Но лишь минуту, не больше. Мы его сразу же вывели.

– Хорошо, – сказала Сакс. – Свидетели есть?

– Когда мы вошли сюда, снаружи был уборщик, – ответила Аусонио.

– Но он ничего не видел, – добавила Францискович.

– Мне все же нужно взглянуть на отпечатки его обуви – для сравнения. Кто-нибудь из вас может его найти? – Сакс взглянула на женщин.

– Конечно. – Аусонио тут же удалилась.

Пошарив в одной из черных сумок, Сакс вытащила прозрачный пластмассовый мешочек. Расстегнув молнию, достала белый комбинезон «тайвек», надела его и набросила на голову капюшон. После этого натянула перчатки. В Управлении полиции Нью-Йорка такую экипировку применяли теперь все эксперты: она исключала возможность искажения картины преступления посторонними следами: волосами, клетками эпителия и прочим. Кроме того, Сакс сделала то, на чем всегда настаивал Райм, – обмотала обувь резиновыми лентами, что позволяло отличить собственные следы от отпечатков ног жертвы и преступника.

Водрузив на голову наушники и приладив микрофон, она включила свою «Моторолу». Через мгновение в ухе послышался слабый голос Линкольна Райма:

– Сакс, ты на месте?

– Да. Все произошло именно так, как ты говорил, – они загнали его в угол, и он исчез.

Райм засмеялся:

– А теперь они хотят, чтобы мы его нашли. Неужели наш удел – исправлять чужие ошибки? Подожди минутку. Приказываю: убавить звук... убавить звук. – Музыка, на фоне которой звучал его голос, стихла.

Вскоре вернулся техник с высокими светильниками на штативах.

Установив их в вестибюле, Сакс включила свет и, осторожно переступив порог, оказалась на месте преступления.

По поводу того, как нужно действовать на месте преступления, единого мнения не существует. И хотя большинство специалистов считают, что чем меньше людей, тем лучше, многие управления посылают на место преступления целые бригады. Линкольн Райм, как правило, обследовал место происшествия один и теперь настаивал на том, чтобы Амелия Сакс поступала так же. Чье бы то ни было присутствие волей-неволей отвлекает от дела, внимание криминалистов рассеивается, поскольку каждый – пусть даже подсознательно – начинает надеяться, что его напарник обнаружит то, что он случайно пропустил.

Кроме того, если полицейский обследует место преступления один, ему проще установить своего рода ментальную связь с жертвой и преступником. В такой ситуации лучше работает интуиция, позволяющая определить, что именно важно и где это найти.

Этим размышлениям предавалась сейчас Амелия, глядя на тело девушки, все еще лежавшее на полу рядом со столом.

Возле тела она увидела опрокинутую чашку кофе, ноты и фрагмент серебряной флейты, которую, очевидно, собирала жертва, когда убийца накинул петлю ей на шею. Девушка сжимала мертвой хваткой еще один цилиндр, видимо часть инструмента. Может, она собиралась использовать его как оружие?

Или же отчаявшаяся девушка просто хотела перед смертью ощутить в руках что-то знакомое?

– Я возле тела, Райм, – сказала Амелия, снимая труп цифровой камерой.

– Продолжай.

– Она лежит на спине. Ее пытались реанимировать. Телесные повреждения соответствуют предположению об удушении. – Сакс осторожно перевернула женщину на живот. – Руки скованы какими-то странными наручниками. Я таких никогда не видела. Часы разбиты, они остановились ровно на восьми утра. Похоже, это не случайно. – Она приподняла руку женщины. – Ну да, Райм, убийца раздавил их ногой. А ведь часы хорошие – «Сейко». Зачем он сломал их? Ведь мог взять.

– Хороший вопрос, Сакс... Возможно, это ключ к разгадке, а может, ничего не означает. Неплохая сентенция для криминалистики, подумала Сакс.

– Одна из полицейских, обнаруживших тело, перерезала петлю на шее – как раз в том месте, где был узел.

Узел разрезать не следовало – он мог бы дать ценную информацию о том, кто его завязал.

С помощью липкой ленты Сакс собрала, выражаясь научно, трассологические доказательства, то есть следы, оставленные на месте преступления. В последнее время считалось, что употреблявшиеся ранее переносные пылесосы уничтожают значительную часть информации, поэтому большинство следственных бригад вновь перешло на клейкую ленту. Специальными инструментами Сакс взяла с тела жертвы образцы волос и того, что осталось под ногтями.

– Пойду похожу по сетке, – сказала Сакс.

Это выражение, изобретенное Раймом, отражало его методику исследования места преступления. Метод сетки, пожалуй, самый основательный из всех: криминалист сначала проходит в одном направлении туда и обратно, затем поворачивает на девяносто градусов и вновь обследует тот же участок, осматривая при этом не только пол, но также потолок и стены.

Сакс уже вела обследование, пытаясь отыскать оброненные или выброшенные предметы, снимая электростатические отпечатки следов обуви и делая цифровые фотографии. Фотослужба еще проведет тщательную съемку места преступления, но на это требуется время, а Райм всегда требовал, чтобы хоть какие-то снимки немедленно доставляли ему.

– Офицер! – позвал Селитто. Амелия обернулась. – Я тут подумал вот о чем... Раз мы не знаем, куда делась эта сволочь, может, вам нужно какое-то прикрытие?

– Нет.

Амелия мысленно поблагодарила детектива за то, что он напомнил ей об убийце, исчезнувшем в том помещении, которое она собиралась обследовать. Один из афоризмов Линкольна Райма гласил: «Осматривай все внимательно, но следи за тем, что творится у тебя за спиной». На всякий случай Сакс взялась за рукоятку пистолета – надетая поверх комбинезона кобура сдвинулась чуть-чуть вверх – и продолжила свою работу.

– Ну вот, что-то есть, – пробормотала она мгновение спустя. – В вестибюле, примерно в трех метрах от жертвы. Кусок черной шелковой ткани. То есть это похоже на шелк. Кусок ткани лежит на какой-то детали от ее флейты. Он принадлежал преступнику или жертве.

Не найдя в коридоре ничего интересного и не отрывая руки от пистолета, Сакс вошла в зал. Увидев, что здесь абсолютно негде спрятаться, она было расслабилась, однако, едва начав осмотр, почувствовала нарастающее беспокойство. Нечистое место...

– Райм, тут вот что странно...

– Я совсем не слышу тебя, Сакс.

Она вдруг поняла, что говорит шепотом.

– Лежащие стулья обвязаны обгоревшей веревкой. Похоже на бикфордов шнур. Я чувствую запах сгоревших нитратов и серы. Очевидцы сообщали, что преступник один раз выстрелил, но пахнет не бездымным порошком. Это что-то другое. Ах вот оно что... Тут небольшая серая шутиха. Наверное, это и был тот самый выстрел, который они слышали... Минуточку! Тут есть что-то еще – под креслом. Это маленькая зеленая монтажная плата, с громкоговорителем.

– Маленькая? – саркастически переспросил Райм. – Фут мал по сравнению с акром. А вот акр мал по сравнению с сотней акров, Сакс!

– Прошу прощения. Примерно пять сантиметров на двенадцать.

– По сравнению с десятицентовой монетой это, пожалуй, большая штука, а?

«Все поняла, большое тебе спасибо», – про себя сказала она.

Уложив улики в сумку, Сакс вышла из зала через вторую – пожарную дверь, сняла электростатические отпечатки, а также сфотографировала найденные здесь следы. Теперь у нее есть контрольные образцы, а их можно сравнить со следами, обнаруженными возле жертвы и там, где ходил внезапно испарившийся преступник.

– Я все сделала, Райм. Вернусь через полчаса.

– А замаскированные двери и потайные ходы, о которых все говорят?

– Я не могу их найти.

– Ладно, тогда отправляйся домой, Сакс.

Вернувшись в вестибюль, она позволила пройти к месту преступления фотографам и экспертам по скрытым уликам. Возле двери стояли Францискович и Аусонио.

– Вы нашли уборщика? – спросила Амелия. – Мне нужно взглянуть на его обувь.

Аусонио покачала головой:

– Ему пришлось отвезти жену на работу. Я оставила уборщику записку с просьбой позвонить.

– Послушайте, офицер! – вмешалась ее напарница. – Мы с Нэнси вовсе не хотим, чтобы этот подонок сбежал. Если мы еще можем чем-нибудь содействовать вам – ну, в общем, дайте нам знать.

– Посмотрим, как все обернется, – ответила Сакс, прекрасно понимая, что они сейчас чувствуют.

В этот момент у Селитто забормотала рация.

– Это близнецы, – сообщил он. – Они закончили опрос свидетелей.

В вестибюле их ждали двое мужчин – один высокий, другой низкий, один с веснушками, другой – без. Это были детективы из Большого дома, специализировавшиеся на опросе свидетелей преступления.

– Сегодня утром мы опросили здесь семь человек.

– Плюс охранник.

– Одних только студентов...

– Без преподавателей.

Несмотря на полное несходство внешности, эту парочку все называли близнецами. Не стоило даже и пытаться разговаривать с ними поодиночке – все упрощалось, если близнецов считали единым целым.

– Информация не самая обнадеживающая.

– Несомненно одно: все очень взволнованы.

– Обстановка здесь не слишком приятная. – Говоривший указал глазами на свисающую с потолка паутину.

– Жертву никто толком не знал. Сегодня утром она пришла в репетиционный зал с подругой. Она...

– Подруга.

– ...никого внутри не видела. Они пробыли здесь минут пять – десять – беседовали. Подруга ушла около восьми.

– Итак, – подытожил Райм, слушавший их по рации, – убийца ждал девушку в репетиционном зале.

– Жертва, – добавил коротышка, – приехала сюда из Грузии...

- Это недалеко от России, – уточнил второй, – а не Персиковый штат⁴.
- ...около двух месяцев назад. Жила, можно сказать, одиноко.
- Консульство сейчас пытается связаться с ее родными.
- Все остальные студенты находились сегодня в других комнатах для репетиций, ничего не слышали и не видели незнакомых людей.
- Муж, любовник, любовница? – спросила Сакс, вспомнив правило номер один при расследовании убийств: преступник обычно знаком с жертвой.
- Студентам о них ничего не известно.
- Как же он попал в здание? – осведомился Райм, и Сакс повторила его вопрос вслух.
- Открыты только парадные двери, – сказал охранник. – Конечно, у нас есть и пожарная дверь, но снаружи ее не открыть.
- Значит, он должен был пройти мимо вас, верно?
- И записаться. А камера должна была заснять его.
- Здесь есть камера наблюдения, Райм, – подняв взгляд вверх, сообщила Сакс, – но ее линзы, кажется, не протирали уже несколько месяцев.
- Все собрались за столом охранника. Нажав соответствующие кнопки, тот прокрутил сегодняшнюю запись.
- Беддинг и Саул опросили сегодня семь человек, но среди них не оказалось еще одного – бородатого мужчины среднего возраста, шатена, в джинсах и мешковатом пиджаке.
- Это он, – заявила Францискович. – Это убийца.
- Нэнси Аусонио кивнула.
- На смазанной пленке было видно, как мужчина делает запись в книге посетителей и проходит внутрь. Когда это происходило, охранник смотрел не на посетителя, а в книгу.
- Вы хоть взглянули на него? – спросила Сакс.
- Не обратил внимания, – ошетинился охранник. – Того, кто записывается, я впускаю. Это все, что мне положено делать. Такая у меня работа. Я здесь больше для того, чтобы никого не выпускать с нашим имуществом.
- Мы все же получили его подпись, Райм. И имя. Наверняка фальшивое, но это все же образец почерка. Кстати, где он записался? – Сакс взяла в руки журнал регистрации.
- Они снова прокрутили пленку с самого начала. Убийца зарегистрировался четвертым. Однако под четвертым номером в списке значилось женское имя.
- Прокрутите запись еще раз, – сказал Райм. – Считайте тех, кто записался.
- Сакс велела охраннику так и поступить, и они снова смотрели, как девять человек записываются в книгу посетителей – восемь студентов, включая жертву, и один убийца.
- Записалось девять человек, Райм. Но в списке только восемь имен.
- Как же это случилось? – удивился Селитто.
- Спросите охранника, уверен ли он в том, что злоумышленник записался, – распорядился Райм. – Может, он только имитировал это.
- Сакс задала этот вопрос охраннику.
- Ну да, записался. Я не всегда гляжу на их лица, но постоянно слежу, чтобы они записались. Это все, что мне положено делать. Такая у меня работа.
- Сакс покачала головой.
- Захвати-ка с собой книгу посетителей, и мы на нее здесь посмотрим, – сказал Райм.
- В углу, обхватив себя за плечи, стояла молодая азиатка. Глядя в окно, она ждала автобус, который должен был увезти ее из этого кошмара. Повернувшись, она обратилась к Сакс:
- Я слышала ваш разговор. Как я поняла, вы не знаете, покинул ли убийца здание после того, как... ну, в общем, после. Думаете, он еще здесь?

⁴ Персиковый штат – штат Джорджия; по-английски слова «Грузия» и «Джорджия» звучат одинаково.

– Нет, не думаю, – ответила Сакс. – Я просто хотела сказать, что мы не знаем, как именно он сбежал.

– Но если вы не знаете этого, значит преступник может до сих пор где-то здесь прятаться. И ждать кого-нибудь еще. А вы понятия не имеете, где он находится.

Сакс ободряюще улыбнулась:

– Тут будет много полицейских до тех пор, пока мы окончательно не выясним, что случилось. Вам не о чем беспокоиться.

А про себя подумала: «Девушка абсолютно права: возможно, преступник оставался здесь и поджидал кого-нибудь еще. Мы же не имеем представления, кто он и где находится».

Глава 4

А теперь, почтеннейшая публика, короткий антракт. Наслаждайтесь воспоминаниями о «Ленивом палаче»... и ждите продолжения.

Не волнуйтесь.

Наш следующий номер скоро начнется...

По Бродвею неспешно шел обычный прохожий, ничем не выделявшийся среди остальных. Дойдя до угла, он вдруг остановился, словно внезапно о чем-то вспомнив, и отступил в тень. Сняв с пояса сотовый телефон, поднес его к уху. Во время беседы он улыбался и рассеянно поглядывал по сторонам.

На самом деле мужчина никуда не звонил – он просто пытался определить, не следят ли за ним.

Внешне Мальэрик разительно отличался от того человека, который полчаса назад вышел из музыкальной школы, – теперь он лишился бороды и стал блондином в спортивной одежде. Присмотревшись, наблюдательный прохожий мог бы заметить в нем нечто необычное: на шее виднелся длинный шрам, а два пальца левой руки – мизинец и безымянный – казались сросшимися. Впрочем, никто не обращал на Мальэрика никакого внимания, поскольку выражение его лица и жесты были вполне естественны, а человек, который ведет себя естественно, незаметен. Это известно каждому иллюзионисту.

Радуюсь тому, что за ним никто не следит, он наконец возобновил свою неспешную прогулку, завернул за угол и по обсаженному деревьями тротуару направился к своему дому. Навстречу попадались лишь редкие любители бега трусцой да немногие местные жители с сумками или свежим номером «Таймс», предвкушающие чашку кофе, неторопливое чтение газеты, а возможно, и неспешный утренний секс.

Вскоре Мальэрик приблизился к дому, где несколько месяцев назад арендовал квартиру. Это было темное, довольно скромное здание, совсем не похожее на его собственные дом и мастерскую, расположенные в пустыне, неподалеку от Лас-Вегаса. Поднявшись по лестнице, он подошел к своей квартире, располагавшейся в задней части здания.

Как я уже говорил, следующее действие скоро начнется.

А пока, почтеннейшая публика, поболтайте о той иллюзии, которую вы только что увидели, побеседуйте с теми, кто сидит рядом с вами, попытайтесь угадать, что будет дальше.

Следующий номер потребует, чтобы наш новый исполнитель проявил разнообразные способности, но смею заверить вас, он будет таким же захватывающим, как и «Ленивый палач».

Все эти слова произвольно промелькнули сейчас в сознании Мальэрика. *Почтеннейшая публика...* Он постоянно разговаривал со своими воображаемыми зрителями, иногда даже слышал аплодисменты, взрывы смеха и крики ужаса. Слышал он и особую театральную интонацию загримированного конференсье или иллюзиониста старой закалки. Такой монолог позволял установить контакт с аудиторией и облегчить исполнение трюка, преподнося зрителям ту информацию, которую им необходимо знать. А временами и для того, чтобы отвлечь и обезоружить ее.

После пожара Мальэрик оборвал почти все контакты с реальными людьми: постепенно их заменила «почтеннейшая публика», ставшая его постоянным обществом. Обращенные к ней репризы вскоре заполнили сознание Мальэрика, угрожая, как он иногда чувствовал, постепенно свести его с ума. Вместе с тем они утешали Мальэрика, что после случившейся три года назад трагедии он все-таки не один. «Почтеннейшая публика» была всегда рядом.

В квартире пахло дешевым лаком, от стен и пола исходил странный мясной дух. Меблирована она была весьма скромно: дешевые кушетки и кресла; спартанского вида обеденный стол, стоявший в столовой, всегда был накрыт на одного человека. Спальни же, напротив, были битком набиты необходимыми иллюзионисту предметами: бутафорией, веревками, костюмами, формовочным оборудованием для латекса, париками, кусками ткани, красками, петардами, косметикой, монтажными платами, проводами, батареями, фитилями, оборудованием для обработки древесины... и множеством других вещей.

Приготовив себе травяной чай, Мальэрик сел за стол, чтобы угоститься фруктами и низкокалорийной шоколадкой. Иллюзия тесно связана с физиологией; успех трюка зависит от того, как выполнит его тело. Здоровая пища и поддержание хорошей формы – ключ к успеху.

Утренним представлением Мальэрик остался доволен. Первого исполнителя он убил очень легко – Мальэрик затрепетал от удовольствия, вспомнив, как жертва оцепенела от страха и обмочилась, когда он появился у нее за спиной и накинул на шею веревку. До этого, накрытый черным шелком и никем не замеченный, он полчаса простоял в углу. Внезапное появление полиции, конечно, потрясло его, но, как опытный иллюзионист, Мальэрик заранее подготовил себе запасной вариант и великолепно использовал его.

Покончив с завтраком, он отнес чашку на кухню, тщательно вымыл и поставил в сушилку. Во всех своих делах Мальэрик проявлял педантичную аккуратность; к этому приучил его наставник – напроць лишенный чувства юмора фанатик-иллюзионист.

Войдя в самую просторную из своих спален, Мальэрик поставил видеозапись, сделанную на месте следующего представления. Эту запись он видел уже раз десять и, хотя помнил ее наизусть, собирался изучать снова (наставник долго вколачивал в него – иногда в буквальном смысле этого слова – всю важность правила «сто к одному»: каждую минуту, проведенную на сцене, нужно репетировать сто минут).

Просматривая запись, Мальэрик подтащил к себе покрытый бархатом столик. Не глядя на руки, он выполнил сначала несколько простейших карточных фокусов – «Ложный голубиный хвост» и «Три стопки», – после чего перешел к более сложным – «Обратный сдвиг», «Скольжение» и «Без усилия». После этого Мальэрик проделал действительно сложные трюки – вроде придуманных Стэнли Палмом «Призрачных карт», знаменитой «Загадки шести карт» Малдо и некоторых других, разработанных искусным Кардини и Рики Джеем, знаменитым актером, мастером карточных фокусов.

Мальэрик выполнил также несколько карточных фокусов из раннего репертуара Гарри Гудини. Большинство считает его лишь фокусником-эскапистом, но на самом деле творчество Гудини было многогранным – он исполнял и масштабные трюки с исчезновением ассистентов и слонов, и фокусы из репертуара салонной магии. На самого Мальэрика Гудини оказал очень большое влияние. В начале своей карьеры, еще подростком, он даже взял себе сценический псевдоним Юный Гудини. Вторая часть его нынешнего имени «Эрик», не только напоминала о прошлой жизни (то есть жизни до пожара), но и была данью уважения самому Гудини, венгру по национальности, которого в действительности звали Эрих Вайс. Что же касается приставки «Маль», то любой иллюзионист подумал бы, что она выбрана в честь всемирно известного Макса Брейта, выступавшего под именем Малини. На самом же деле Мальэрик взял эти буквы потому, что они происходили от слова «зло», – это отражало мрачную природу его творчества.

Сейчас он внимательно изучал запись, мысленно измеряя углы, отмечая расположение окон и местонахождение возможных свидетелей, прикидывая, где будет находиться сам, – как это делают все хорошие исполнители. Занимаясь этим, Мальэрик продолжал молниеносными движениями тасовать карты, шуршавшие в его руках. Короли, дамы, валеты и джокеры, словно вода, стекали на черный бархат, а затем, нарушая все законы природы, снова взлетали к его сильным рукам и тут же исчезали из вида. Наблюдая за импровизированным представлением

Мальэрика, публика (если бы она видела это) была бы потрясена тем, что реальность уступила место иллюзии, поскольку ни один человек не в силах проделать ничего подобного.

Но все обстояло совсем иначе: карточные фокусы, которые сейчас с отсутствующим видом проделывал Мальэрик, не были ни иллюзией, ни чудом; в основе этих тщательно отрепетированных упражнений лежали непреложные законы физики.

О да, почтеннейшие зрители: то, что вы уже видели, и то, что вам еще предстоит увидеть, – все это абсолютно реально.

Реально, как пожирающий плоть огонь.

Реально, как веревка, впивающаяся в белоснежную шею юной девушки.

Реально, как стрелки часов, медленно движущиеся навстречу тому ужасу, который испытает наш следующий исполнитель.

– Эй, привет!

Молодая женщина присела возле постели, на которой лежала ее мать. За окном, на аккуратно подстриженном газоне, стоял высокий дуб, ствол его обвивал плющ, всегда выглядевший по-разному. Сегодня анемичное растение ничуть не напоминало ни дракона, ни стаю птиц, ни солдата. Это обычное городское растение изо всех сил пыталось выжить.

– Ну как ты себя чувствуешь, королева-мать? – спросила Кара.

Это обращение появилось после одной из поездок, которые они обычно совершали всей семьей, – на сей раз в Англию. Родителей Кара называла «ваше королевское величество» и «королева-мать», себя – «королевский отпрыск».

– Прекрасно, дорогая. А как у тебя дела?

– Лучше, чем у одних, но не так хорошо, как у других. Ну как, нравится? – Протянув руку, Кара показала свои коротко подстриженные ногти – они напоминали черные клавиши рояля.

– Очень мило, дорогая. От розового цвета я уже немного устала. Сейчас он встречается везде и страшно примелькался.

Поднявшись, Кара поправила соскользнувшую вниз подушку, после чего снова села и сделала глоток из принесенного с собой большого термоса; кофе был единственным наркотиком, который она употребляла, зато очень часто и помногу. За утро это была уже третья чашка.

Ее короткие волосы сейчас были красновато-фиолетовыми; вообще за годы пребывания в Нью-Йорке она успела перекрасить их почти во все цвета радуги. Нынешнюю ее прическу некоторые называли стрижкой «под эльфа»; Каре такое название совсем не нравилось, и она предпочитала называть ее просто «удобной». Можно выйти из дома уже через несколько минут после душа – настоящее благо для тех, кто ложится не раньше трех ночи и не относится к числу ранних пташек.

Сегодня на ней были черные облегающие брюки и – хотя ее рост едва превышал пять футов – туфли без каблука. Темно-фиолетовая блузка без рукавов позволяла разглядеть красивые тугие мышцы. Кара училась в колледже, где основное внимание уделялось не физической подготовке, а политике и искусству, однако, окончив его, вступила в гимнастический клуб «Голд Джим» и теперь постоянно сгоняла вес и бегала трусцой. Прожив восемь лет в богемном районе Гринвич-Виллидж и приближаясь к тридцати, Кара сохранила необычно белую кожу, без татуировок и наколок.

– Да, имей в виду, мама. Завтра у меня представление. Одно из тех, что устраивает мистер Бальзак.

– Да, я помню.

– Но на этот раз все будет иначе. Сейчас он разрешил мне выступить соло.

– Да что ты, милая!

– Чистая правда!

Мимо палаты по коридору проковылял мистер Гелдтер.

– Привет!

Кара рассеянно кивнула ему. Когда ее мать впервые приехала сюда, в Стьювсант-Мэнор, один из лучших в городе домов для престарелых, о ней с Гелдтером много шушукались.

– Они считают, что мы с ним живем, – шепотом сообщила она дочери.

– А разве нет? – спросила Кара, считая, что после пяти лет вдовства матери пора бы уже найти себе мужчину.

– Конечно нет! – с искренним возмущением отрезала мать. – Как ты можешь предполагать такое! – Этот эпизод очень точно характеризовал ее: легкую непристойность она допускала, но, перейдя некоторую черту, человек становился Врагом с большой буквы – даже если он был ее собственной плотью и кровью.

Подавшись вперед, Кара продолжала рассказывать матери о своих планах на завтра. При этом она внимательно разглядывала ее. Для семидесяти пяти лет кожа матери была на редкость гладкой и розовой; в поседевших волосах все еще виднелись черные пряди. Штатная парикмахерша сегодня завила их и собрала в пучок.

– В любом случае, мам, кое-кто из моих подруг будет там; хорошо, если бы и ты приехала.

– Постараюсь.

Кара внезапно осознала, что кулаки ее плотно сжаты, тело напряжено, а дыхание участилось.

Постараюсь...

Кара закрыла глаза, наполнившиеся слезами. Черт побери!

Постараюсь...

Как это неправильно, со злостью подумала она. Раньше мать никогда не сказала бы: «Постараюсь». Это не в ее духе. Она могла бы или категорически заявить: «Все, дорогая, я буду там! В первом ряду», или холодно отрезать: «Нет, завтра не смогу. Тебе следовало предупредить меня пораньше».

«Постараюсь» – совсем не похоже на мать. Она или решительно за, или столь же решительно против.

Но не теперь – когда она вообще едва похожа на человека. В лучшем случае это ребенок, спящий с открытыми глазами.

На самом деле эта беседа происходила только в воображении молодой женщины. Правда, слова Кары были вполне реальны, а вот все, что якобы произнесла ее мать, начиная с «Прекрасно, дорогая. А как у тебя дела?» и кончая смутившим Кару «Постараюсь», молодая женщина выдумала.

Увы, сегодня ее мать вообще не произнесла ни слова. То же самое было вчера и позавчера. Она лежала в коме возле увитого плющом окна. Порой она приходила в себя, но несла полную чепуху, словно какие-то невидимые беспокойные мысли тревожили ее, понапрасну вороша память.

Иногда все же наступали моменты просветления, и хотя они длились недолго, отчаяние Кары проходило. Когда же молодая женщина уже была готова смириться с худшим – с тем, что ее мать ушла навсегда, – та вдруг возвращалась и становилась почти такой, как до кровоизлияния в мозг. И решимость Кары исчезала: так обманутая женщина прощает своего непутевого мужа, если тот проявляет малейшие признаки раскаяния. В такие минуты она убеждала себя, что мать выздоравливает.

Врачи, конечно, говорили, что надежды почти нет. Однако их не было рядом с Карой, когда несколько месяцев назад ее мать вдруг очнулась и сказала: «Привет, милая! Я съела те булочки, что ты вчера принесла. Ты положила побольше орехов – именно так, как я люблю. И черт с ними, с калориями. – Детская улыбка. – О, я так рада, что ты здесь. Я хотела рассказать тебе о том, что сделала вчера ночью миссис Брэндон с пультом дистанционного управления».

Кара изумленно заморгала. Она ведь действительно принесла вчера матери булочки с орехами. А сумасшедшая миссис Брэндон с пятого этажа действительно утащила пульт дистанционного управления и через окно посылала сигнал в холл четвертого этажа, целых полчаса хаотически переключая каналы к ужасу всех обитателей дома престарелых, решивших, что взбунтовался полтергейст.

Нужны ли лучшие доказательства того, что ее энергичная мать все еще не исчезла и просто заключена в телесную оболочку, лежащую в палате номер 492, откуда может когда-нибудь выскользнуть?

Но уже на следующий день Кара обнаружила, что мать смотрит на нее с подозрением, спрашивая, кто она такая и что ей здесь нужно. Если мать беспокоится по поводу счета за свет на двадцать два доллара и пятнадцать центов, так Кара уже оплатила его и может предъявить квитанцию. Повторения сцены с булочками и пультом дистанционного управления Кара так и не дождалась.

Прикоснувшись к материнской руке, теплой, гладкой, по-детски розовой, Кара вновь испытала сложные чувства, посещавшие ее во время ежедневных визитов сюда: она то желала, чтобы мать наконец отмучилась и умерла, то надеялась, что больная вернется к полноценной жизни, а главное, хотела избежать этого ужасного выбора.

Кара взглянула на часы. Ну вот, как всегда, опоздала на работу. Мистер Бальзак будет недоволен. Допив кофе, она выбросила пластиковый стакан и вышла в коридор.

Крупная черная женщина в белой форменной одежде приветственно подняла руку.

– Кара! Давно ты здесь? – Ее лицо расплылось в улыбке.

– Минут двадцать.

– Я бы зашла навестить тебя, – сказала Джейнин. – Она в сознании?

– Нет. Когда я пришла, была без сознания.

– Очень жаль.

– Она говорила до этого? – спросила Кара.

– Совсем немного. Трудно было определить, с нами она или нет. Похоже на то, что... Какой сегодня прекрасный день! Мы с Софи собираемся чуть позже вывезти ее на прогулку во двор – если придет в сознание. Ей это нравится.

После прогулки она всегда чувствует себя лучше.

– Мне пора на работу, – сказала сиделке Кара. – Кстати, у меня завтра выступление. В магазине. Помнишь, где это?

– Ну конечно! В какое время?

– В четыре. Приходи.

– Завтра утром я заканчиваю рано. Я приду. Потом выпьем еще этого, с персиками, как в прошлый раз.

– Ну вот и отлично. Да, и приведи с собой Пита.

– Не обижайся, но он увидит тебя в воскресенье только в том случае, если ты будешь выступать на футбольном поле в перерыве между таймами и если это твое выступление покажут по телевизору.

– Твои слова да Богу в уши, – отозвалась Кара.

Глава 5

Сто лет назад здесь мог бы проживать более или менее преуспевающий финансист.

Или владелец небольшого галантерейного магазина, находившегося в роскошных торговых рядах на Четырнадцатой улице.

Или, возможно, политик из Таммани-холла⁵, овладевший бессмертным искусством богатеть на службе обществу.

Нынешний владелец этого особняка, расположенного в Централ-Парк-Вест, не знал и, в общем-то, не хотел знать его историю. Не волновало Линкольна Райма и то, что когда-то заполняло эти комнаты, а именно викторианская мебель и предметы искусства конца девятнадцатого века. Ему нравилось все, что окружало его сейчас: столы, вращающиеся кресла, компьютеры, научное оборудование – измеритель градиента плотности, газовый хроматограф, масс-спектрометр, микроскопы, пластмассовые ящики всех видов и оттенков, мензурки, колбы, термометры, защитные очки, черные или серые футляры причудливой формы, в которых, очевидно, находились экзотические музыкальные инструменты. И провода.

Провода и кабели были везде и покрывали чуть ли не всю комнату. Одни были аккуратно свернуты и подсоединены к какому-то оборудованию, другие внезапно исчезали в неровных отверстиях, безжалостно пробитых в столетних стенах.

Сам Линкольн Райм в основном обходился без проводов. Современные технические достижения позволяли надежно соединить компьютеры и климатическое оборудование с микрофонами, установленными в его инвалидной коляске и, конечно, в спальне. Почти все устройства выполняли команды, подчиняясь звуку его голоса: Райм мог ответить на телефонный звонок или же вывести изображение с микроскопа на монитор компьютера.

К таким устройствам относился и новый приемник «Хармон Кардон 8000», из которого сейчас в лаборатории звучало приятное джазовое соло.

– Приказываю: отключить стерео, – неохотно скомандовал Райм, услышав, как хлопнула входная дверь.

Музыка тотчас же смолкла, сменившись звуком шагов в парадном и гостиной. Райм сразу понял, что пожаловала Амелия Сакс, – эта высокая женщина всегда ходила удивительно легкой походкой. Затем он различил тяжелую поступь больших, постоянно вывернутых наружу ступней Лона Селитто.

– Сакс, – начал Райм, когда она вошла в комнату, – место преступления занимает большую площадь? Прямо-таки громадную?

– Не слишком. – Она недоуменно нахмурилась. – А что?

Райм не отрывал взгляда от серых ящиков, где содержались вещественные доказательства, принесенные сюда Сакс и другими полицейскими.

– Я пришел к такому выводу, потому что на осмотр помещения понадобилось очень много времени. Пожалуй, тебе стоит использовать на своей машине проблесковый маячок. Их ведь не зря изобрели. Сирены тоже небесполезны. – Когда Райма одолевала скука, он становился раздражительным. Скука была для него настоящим бичом.

– Мы столкнулись там с загадочными вещами, Райм, – не реагируя на его колкости, ответила Сакс, судя по всему, находившаяся в хорошем расположении духа.

Кажется, Селитто называл это дело странным, вспомнил Райм.

– Изложи мне сценарий. Что там случилось?

Сакс изложила возможный ход событий, кульминацией которого стало исчезновение преступника из репетиционного зала.

⁵ Таммани-холл – штаб-квартира Демократической партии в Нью-Йорке.

– Очевидцы слышали выстрел, после чего ворвались внутрь. Сделали они это одновременно, через две двери в зал. Преступника там уже не было.

Селитто сверился со своими записями.

– По словам патрульных, этому мужчине лет пятьдесят, он среднего роста, среднего телосложения, никаких особых признаков, кроме бороды, волосы каштановые.

Тамошний уборщик не видел, чтобы кто-нибудь входил или выходил. Но возможно, он врет. Школа должна сообщить имя и номер телефона уборщика. Посмотрим, удастся ли мне освежить его память.

– А что насчет жертвы? Какой здесь мотив?

– Там не было ни сексуального насилия, ни ограбления, – вставила Сакс.

– Только что говорил с близнецами, – добавил Селитто. – В последнее время у девушки не было любовников. Это усложняет проблему.

– Она училась на дневном отделении? – спросил Райм. – Или работала?

– На дневном. Но скорее всего, еще где-то выступала. Сейчас выясняют где.

Вызвав своего помощника Тома, Райм поручил ему, как часто это делал, переписать заметки из своего элегантного блокнота на одну из висящих в лаборатории больших белых досок. Взяв маркер, Том начал писать, но тут раздался стук в дверь, и помощник моментально ретировался.

– К вам посетитель! – объявил он из прихожей.

– Посетитель? – недовольно повторил Райм, не желавший сейчас никого видеть.

Однако помощник немного слукавил. В комнату уже входил Мэл Купер, худой, лысеющий эксперт. Райм, бывший главой экспертов Управления полиции Нью-Йорка, познакомился с ним несколько лет назад во время расследования дела о похищении людей, проводившегося совместно с полицией штата Нью-Йорк. Купер тогда усомнился в выводах Райма относительно одного образца почвы и, как потом выяснилось, оказался прав. Это произвело на Райма большое впечатление, и он навел справки о новом знакомом. Оказалось, что тот, как и сам Райм, активный и весьма уважаемый член Международной ассоциации по идентификации личности, объединяющей экспертов, которые занимаются установлением личности человека по отпечаткам пальцев, ДНК, реконструкции черепа и остаткам зубов. Имея дипломы по математике, физике и органической химии, Купер также был первоклассным специалистом в области анализа вещественных доказательств.

Райм развернул кампанию за переезд криминалиста в город, и в конце концов тот согласился. Учтивый, всегда вежливый эксперт, ко всему прочему чемпион по бальным танцам, работал в криминалистической лаборатории Управления полиции Нью-Йорка в Куинсе, но часто помогал Райму, когда с тем консультировались по какому-то сложному делу.

Когда приветствия стихли, Купер водрузил на нос толстые очки а-ля Гарри Поттер и окинул критическим взглядом коробки с вещественными доказательствами, словно шахматный игрок, взирающий на своего оппонента.

– И что же мы имеем?

– Сплошные загадки, – ответил Райм. – Так утверждает Сакс. Загадки.

– Ну что ж, попробуем разрешить их.

Пока Купер натягивал латексные перчатки, Селитто наскоро ознакомил его со сценарием убийства. Райм подкатился поближе к нему.

– Вот это что такое? – спросил он, не отрывая взгляда от зеленой монтажной платы с прикрепленным к ней динамиком.

– Я нашла ее в репетиционном зале, – сказала Сакс. – Что это такое, не имею понятия. Судя по следам, ее оставил там невидимка.

Похоже на компьютерную микросхему, подумал Райм. Впрочем, это не слишком удивило его – преступники всегда находятся на гребне технического прогресса. Грабители бан-

ков вооружились полуавтоматическими кольтами сорок пятого калибра образца 1911 года уже через несколько дней после того, как их начали производить, хотя носить это оружие не имел права никто, кроме военных. Рации, телефоны с шифраторами, автоматы, лазерные прицелы, глобальная система навигации, сотовая технология, средства наблюдения, компьютерное кодирование – все эти средства зачастую попадали в арсенал преступников раньше, чем ими успевали воспользоваться правоохранительные органы.

Райм всегда был готов признать, что некоторые вещи находятся вне пределов его компетенции. Всякого рода компьютеры, сотовые телефоны и тому подобные устройства – то, что он называл насдаковскими⁶ уликами, Райм охотно уступал специалистам.

– Отвезите это Тоби Геллеру, – распорядился он.

Так звали талантливого молодого человека, работавшего в том отделе ФБР, который занимался компьютерными преступлениями. Геллер помогал им и раньше, и Райм был убежден: если кто-то и может сказать, что это за устройство и откуда оно взялось, так это Геллер.

Сакс отдала сумку Селитто, а тот передал ее полицейскому в форме, поручив отвезти в центр города. Честолюбивая Амелия Сакс остановила его. Сначала она удостоверилась, что полицейский заполнил специальную карточку, как и все, кто имел доступ к вещественным доказательствам, начиная с момента обнаружения преступления и до суда. Только внимательно проверив карточку, Сакс отпустила его с миром.

– Да, а как прошли итоговые учения? – спросил вдруг Райм.

– Ну... – начала она и, помявшись, закончила: – Думаю, я справилась неплохо.

Такой ответ удивил Райма. Амелия Сакс обычно не любила похвал и еще реже хвалила себя сама.

– Я в этом не сомневался, – сказал он.

– Сержант Сакс... – задумчиво протянул Лон Селитто. – Звучит, а?

И они вернулись к изучению пиротехники, найденной в музыкальной школе, – фитилям и шутихе.

По крайней мере одну загадку Сакс все же разгадала. Убийца, пояснила она, наклонил стулья так, чтобы они стояли на двух ножках, и связал их хлопчатобумажной нитью. Иначе они не удержались бы в этом положении. К средней части веревок он привязал фитили, после чего зажег. Примерно через минуту огонь пережег нить, и стулья упали на пол. Вот почему создалось впечатление, что убийца все еще внутри. Одновременно он поджег фитиль, который в конечном счете привел в действие петарду – ее хлопок ошибочно приняли за выстрел.

– Вы можете установить их происхождение? – спросил Селитто.

– Фитиль самый обычный, а петарда разрушилась. Ни производителя, ничего. – Купер покачал головой.

Как видел Райм, здесь остались лишь крошечные обрывки бумаги с выгоревшей металлической сердцевинкой петарды. Тонкая нить, сделанная из стопроцентного хлопка, тоже оказалась самой обычной, поэтому ее происхождение проследить невозможно.

– Была еще вспышка света, – просматривая свои записи, добавила Сакс. – Когда офицеры увидели преступника возле жертвы, он поднял руку, и последовала ослепительная вспышка. Как осветительная ракета. Она ослепила их обеих.

– Следы какие-нибудь есть?

– Я ничего не нашла. Они сказали, что все словно испарилось.

– Пойдем дальше. Следы обуви есть?

Купер сразу же открыл базу данных по отпечаткам обуви, представлявшую собой оцифрованную версию того, что составил еще Райм, когда возглавлял экспертов полицейского управления.

⁶ НАСДАК – американская фондовая биржа, специализирующаяся на акциях высокотехнологичных компаний.

– Это черные туфли без шнурков фирмы «Экко», – после нескольких минут поисков сообщил он. – Вероятно, десятого размера⁷.

– Трассологические доказательства? – осведомился Райм, и Сакс достала из коробки несколько пластмассовых мешочков, в которых находились полоски липкой ленты.

– Вот эти взяты с тех мест, где он ходил, и рядом с телом.

Купер вытащил из мешочков куски липкой ленты и разложил по отдельным подносам, чтобы избежать взаимного загрязнения. В основном к ним пристала пыль с контрольных участков, где не могло быть следов преступника и жертвы, однако на отдельных частях ленты виднелись волокна. Их Сакс нашла там, где ходил преступник, или на предметах, к которым он притрагивался.

– Давайте посмотрим их.

Ловко взяв образцы пинцетом, эксперт положил их на предметное стекло бинокулярного микроскопа, лучшего инструмента для исследования волокон, и нажал кнопку. Изображение, которое он видел через окуляр, тут же появилось на большом плоском мониторе компьютера.

Волокна выглядели здесь как толстые нити сероватого цвета.

Волокна очень важны в криминалистике, поскольку буквально перескакивают с одного предмета на другой; к тому же их легко классифицировать. Собственно, они разделяются на две большие категории – природные и искусственные. Райм тотчас же заметил, что эти нити не похожи на вискозу или полимеры, а значит, имеют природное происхождение.

– Но какая именно это разновидность? – произнес Мэл Купер.

– Взгляните на клеточную структуру. Готов поспорить, что это экскрементные волокна.

– Что такое? – удивился Селитто. – Экскрементные? Как в дерьме?

– Экскрементные – как в шелке. Это выходит из пищеварительного тракта червей. Серый матовый краситель. А что на других образцах, Мэл?

Пропустив через микроскоп остальные образцы, Купер выяснил, что там находятся идентичные волокна.

– Злоумышленник был в сером?

– Нет, – ответил Селитто.

– И жертва тоже нет, – сказала Сакс.

Новая загадка.

– А! – прильнув к окуляру, воскликнул Купер. – Это, наверное, волос.

На экране появился длинный предмет коричневого цвета.

– Это человеческий волос, – заявил Райм, заметив на нем сотни чешуек. Волосы животных имеют максимум несколько десятков. – Но он фальшивый.

– Фальшивый? – переспросил Селитто.

– В принципе волос настоящий, но он из парика, – пояснил Райм. – Это совершенно очевидно. Взгляните на его кончик. Это не луковица, а клей. Скорее всего, волосы не преступника, но стоит это записать.

– Записать, что он не шатен? – спросил Том.

– Нас интересуют только факты, – отрезал Райм. – Запиши, что невидимка, вероятно, носил каштановый парик.

– Хорошо, мой господин.

Продолжая изучение частей ленты, Купер вскоре обнаружил на двух из них небольшое количество грязи и какой-то растительный материал.

– Давай сначала растительный материал, Мэл.

Купер быстро подготовил образцы.

⁷ Соответствует отечественному размеру 42.

При анализе материалов с места преступления, совершенного в Нью-Йорке, Линкольн Райм всегда придавал большое значение всему, что связано с геологией, а также с растительным и животным миром. Дело в том, что на североамериканском материке расположена лишь одна восьмая территории города, тогда как большая ее часть находится на островах. Отсюда вытекает, что те или иные минералы и образцы флоры и фауны зачастую характерны только для определенных частей Нью-Йорка или даже отдельных районов, а это дает возможность сделать территориальную привязку.

Мгновением позже на экране появилась красноватая веточка с кусочком листа.

– Это хорошо! – обрадовался Райм.

– И что же тут хорошего? – осведомился Том.

– Хорошо то, что это редкое растение – красный земляной каштан гикори. В городе их трудно найти. Мне известно два места, где они растут, – это Центральный парк и парк Риверсайд. К тому же... о, посмотрите-ка вот на это! Видите эту сине-зеленую массу?

– Где? – спросила Сакс.

– Разве не видишь? Вон там, справа! – Райм пришел в отчаяние оттого, что не может вскочить с кресла и постучать по экрану. – В нижнем правом углу. Если веточка напоминает Италию, то это похоже на Сицилию.

– Вижу.

– Что ты думаешь, Мэл? Ведь это лишайник? И мне кажется, что это пармелия консперса.

– Возможно, – осторожно сказал эксперт. – Вообще-то, лишайников много.

– Но только не сине-зеленых и серых, – сухо заметил Райм. – Точнее, их совсем мало. А именно этот в изобилии встречается в Центральном парке... Теперь у нас сразу две привязки к парку. Что ж, хорошо. Давайте взглянем на грязь.

Купер установил новый образец. То, что удалось увидеть через микроскоп, – куски грязи, похожие на астероиды, – было не особенно познавательным, и Райм распорядился:

– Пропустите образец через ГХ.

ГХ/МС – газовый хроматограф/масс-спектрометр – это соединение в одно целое двух приборов для химического анализа. Первый из них разделяет неизвестное вещество на составные части, второй определяет, что они собой представляют. Например, кажущийся однородным белый порошок можно разделить на дюжину различных химикалий: пищевую соду, мышьяк, детскую присыпку и кокаин. Принцип действия хроматографа вполне сопоставим со скачками: вещества начинают двигаться через прибор одновременно, но, поскольку их скорость различна, постепенно разделяются. На «финише» масс-спектрометр сравнивает каждое из них с обширной базой данных известных веществ и таким образом идентифицирует.

Проведенный Купером анализ показал, что грязь, добытая Сакс, пропитана каким-то маслом. Идентифицировать его, однако, не удалось: прибор только показал, что оно минерального происхождения – не растительного и не животного.

– Отправьте это в ФБР! – распорядился Райм. – Посмотрим, справятся ли с ним тамошние спецы. – И покосился на пластмассовый пакет. – Это и есть та черная тряпка, которую ты нашла?

Может, это ключ к разгадке, а может, вообще ничего не означает...

Сакс кивнула.

– Она валялась в углу того помещения, где задушили жертву.

– Это ее вещь? – поинтересовался Купер.

– Не исключено, – ответил Райм, – но давайте сначала предположим, что тряпка принадлежит убийце.

Осторожно подняв кусок ткани, Купер тщательно обследовал его.

– Шелк. Подшито вручную.

Хотя ткань можно было сложить в крошечный комок, в развернутом виде ее площадь была довольно большой – семьдесят два на сорок восемь дюймов.

– Из расчета времени следует, что убийца дожидался жертву в вестибюле, – сказал Райм. – Уверен, он спрятался в углу и накрылся этой тканью. Таким образом, убийца стал невидимкой. Вероятно, он забрал бы ткань с собой, если бы офицеры не спугнули его.

Что почувствовала бедная девочка, когда убийца как по волшебству материализовался из воздуха и накинул веревку ей на шею!

Обнаружив, что к черной ткани пристало несколько частиц, Купер положил их под микроскоп. Вскоре на дисплее появилось их изображение. При увеличении они походили на телесного цвета кусочки салата. Купер потрогал их крошечным зондом – материал слегка пружинил.

– Что за чертовщина? – пробормотал Селитто.

– Какой-то сорт резины, – ответил Райм. – Кусок воздушного шара... нет, для этого она слишком толстая. И посмотри на изображение, Мэл. Что-то тут смазано. И опять же телесный цвет. Пропусти это через ГХ.

Пока они ждали результатов, в дверь позвонили. Выйдя из комнаты, чтобы открыть, Том вскоре вернулся с каким-то конвертом.

– Скрытые улики! – провозгласил он.

– А, это хорошо, – сказал Райм. – Наконец-то у нас есть отпечатки пальцев. Пропусти их через САИОП, Мэл.

Находящиеся в Западной Виргинии мощные серверы фэбээровской системы автоматической идентификации отпечатков пальцев проведут поиск по федеральным и штатским базам данных, выдав результаты за считанные часы или даже минуты, если служба скрытых улик нашла хорошие, четкие отпечатки.

– Как они выглядят? – спросил Райм.

– В целом неплохо. – Сакс показала ему снимки.

Многие представляли собой лишь фрагменты, однако имелся и добротный отпечаток всей левой ладони. Первое, что отметила Сакс, у убийцы на этой руке деформированы два пальца, мизинец и безымянный. Казалось, они срослись и заканчивались совершенно гладким участком кожи, без каких-либо отпечатков. Райм неплохо разбирался в патологии, но все же не мог сказать, врожденное ли это отклонение или результат травмы.

«Что за ирония судьбы, – думал Райм, глядя на изображение, – у преступника левый мизинец поврежден, а у меня ниже шеи это единственная часть тела, способная двигаться».

– Задержи-ка это на минутку, Мэл... – неожиданно нахмурился он. – Подойди поближе, Сакс. Я хочу внимательно разглядеть это. – Когда Амелия подошла, Райм снова стал изучать отпечатки пальцев. – Заметила что-нибудь необычное?

– Нет. Хотя подождите... – Она засмеялась и провела пальцем по снимкам. – Они одинаковые. Все его пальцы одинаковые. Вот этот маленький шрам везде находится в одном и том же положении.

– Должно быть, он носит особые перчатки, – сказал Купер, – с фальшивыми папиллярными линиями. Никогда такого раньше не видел – только в телевизионных шоу.

Кто же, черт возьми, этот преступник?

На экране компьютера появились результаты, полученные на ГХ/МС.

– Отлично, это чистый латекс и... что же это такое? – недоумевал Купер. – Компьютер определяет это как альгинат. Никогда не слышал о...

– Вспомни о зубах, – посоветовал Райм.

– Что? – удивился Купер.

– Это порошок, который смешивают с водой, чтобы сделать пломбу. Им пользуются дантисты. Возможно, наш убийца – зубной врач.

Купер снова обернулся к экрану.

– Еще мы имеем очень слабые следы касторового масла, пропиленгликоля, метилового спирта, слюды, окиси железа, двуокиси титана, дегтя и кое-каких нейтральных пигментов.

– Некоторые из них используются в косметике. – Райм припомнил случай, когда убийца губной помадой жертвы написал на ее зеркале похабную фразу; пятна этой помады потом обнаружили у него на рукаве. Расследуя это дело, Райм многое узнал о косметике.

– Это ее? – спросил Купер.

– Нет, – ответила Сакс. – Я взяла мазки с ее кожи. Она не пользовалась косметикой.

– Что ж, занесем это на доску. Посмотрим, значит ли это что-нибудь.

Внимательно рассмотрев кусок веревки – орудие убийцы, Мэл Купер окинул взглядом присутствующих.

– Это белая веревка с черной сердцевинкой. И то и другое сделано из шелка, легкого и тонкого; вот почему она выглядит не толще обычной веревки, хотя, по существу, это две веревки, связанные вместе.

– И зачем это нужно? – поинтересовался Райм. – Сердцевина делает веревку прочнее? Ее легче развязывать? Или, напротив, труднее? В чем тут дело?

– Не имею понятия.

– Дело становится все загадочнее. – В голосе Сакс прозвучали драматические нотки, что чрезвычайно возмутило бы Райма, если бы он сам не был с ней согласен.

– М-да, – смущенно подтвердил он. – Это для меня ново. Но давайте продолжим. Мне хотелось бы натолкнуться на что-нибудь *знакомое*, то, чем мы могли бы *воспользоваться*.

– А узел?

– Завязан специалистом, но я не могу его опознать, – ответил Купер.

– Отправьте снимок узла в бюро. И... мы никого не знаем в Морском музее?

– Они несколько раз помогали нам с узлами, – сказала Сакс. – Я им тоже отправлю снимок.

В этот момент позвонил Тоби Геллер из отдела компьютерных преступлений:

– Это довольно забавно, Линкольн.

– Рад, что мы позабавили тебя, – пробормотал Райм. – Сообщишь ли нам что-нибудь полезное насчет нашей игрушки?

Геллер, молодой человек с вьющимися волосами, на колкости Райма обычно не реагировал, особенно в тех случаях, когда дело касалось компьютеров.

– Это цифровой магнитофон. Впечатляющая штучка. Ваш невидимка что-то записал на него, сохранил звук на жестком диске и запрограммировал так, чтобы он воспроизвел его с задержкой. Что именно записал преступник, сказать нельзя – он запустил программу, которая стерла всю информацию.

– Там был его голос, – пробормотал Райм. – Когда он говорил, что взял заложника, это была лишь запись. Как и стулья. Преступник хотел убедить нас, что он еще в помещении.

– В этом есть смысл. Это особый динамик – маленький, но с прекрасными басовыми и средними тонами. Он очень хорошо воспроизводит человеческий голос.

– На диске преступник ничего не оставил?

– Не-а. Стер навсегда.

– Черт! А я хотел получить запись его голоса.

– Прости, но тут уже ничего не поделаешь.

Райм огорченно вздохнул, предоставляя Сакс возможность самой сообщить Геллеру о том, как высоко они ценят его помощь.

После этого бригада обследовала наручные часы жертвы, разбитые преступником по какой-то непонятной причине. Им удалось выяснить только одно: время, когда они были разбиты.

Преступники иногда разбивают часы на месте преступления, предварительно установив их на другое время, чтобы направить следствие по ложному пути. Однако эти часы остановились приблизительно в то время, когда наступила смерть. Что все это означает?

Снова загадки...

Когда помощник занес все их наблюдения на белую доску, Райм взглянул на пакет, где находился листок регистрации.

– Там недостает одного имени, – размышлял он вслух. – Записались девять человек, а в списке только восемь... Думаю, нам нужно обратиться к эксперту. – Приказываю позвонить, – сказал Райм в микрофон. – Вызови Паркера Кинкейда.

Глава 6

На дисплее появился номер 703 – код штата Виргиния, затем набираемый номер телефона.

Гудок. Через секунду девичий голос ответил:

- Дом Кинкейдов.
- Паркер здесь? Я имею в виду твоего отца.
- А кто его спрашивает?
- Линкольн Райм. Из Нью-Йорка.
- Подождите, пожалуйста.

Мгновение спустя в помещении послышался неторопливый голос одного из самых известных в стране экспертов по работе с документами:

- Привет, Линкольн! Пожалуй, ты не звонил уже месяц или два.
- Было много дел, – сказал Райм. – А чем ты занят сейчас, Паркер?
- О, у меня сплошные неприятности. Чуть не спровоцировал международный инцидент.

Британское культурное общество пожелало, чтобы я определил подлинность записной книжки короля Эдуарда, приобретенной у одного частного коллекционера.

- То есть за книжку уже заплатили?
- Шестьсот тысяч.
- Дороговато. Она была им так необходима?
- О, там есть кое-какие пикантные сплетни о Черчилле и Чемберлене. Ну, не в этом смысле, конечно.

– Конечно. – Как обычно, Райм проявлял терпение к тем, от кого намеревался получить бесплатную помощь.

– Ну, я изучил ее, и что же? Мне пришлось поставить под сомнение подлинность этой книжки. – В устах такого выдающегося специалиста, как Кинкейд, это означало, что записная книжка – бесстыдная подделка. – Ну, они как-то пережили это, – продолжал он, – хотя до сих пор так и не заплатили мне за работу... Нет, милая, не ставь это в морозильник, пока не остынет... Потому что я так говорю.

Отец-одиночка, Кинкейд оставил пост начальника отдела в ФБР и основал собственную экспертную фирму только ради того, чтобы проводить больше времени со своими детьми.

- Как там Маргарет? – спросила Сакс.
- Это вы, Амелия?
- Да.

– Прекрасно. Не видел ее уже несколько дней. В среду мы повезли Робби и Стефани в «Плэнет плей», и едва я начал побеждать Маргарет в какой-то игре, как сработал ее пейджер. Ей пришлось куда-то вламываться и кого-то арестовывать – не то в Панаме, не то в Эквадоре. Деталей она мне не сообщила. Так в чем у вас проблема?

– Мы ведем одно дело, и мне нужна кое-какая помощь. Вот сценарий: преступник записался в журнале регистрации у охранника. Понятно?

- Ну да. И вам нужен анализ почерка?
- Проблема в том, что никакой записи у нас нет.
- Она исчезла?
- Да.
- И вы уверены, что он не притворялся?
- Уверены. Охранник видел, как чернила ложились на бумагу.
- А сейчас ничего не видно?
- Ничего.

Кинкейд мрачно засмеялся:

– Это здорово. Значит, запись, сделанная преступником, не сохранилась. А потом на этом месте сделал запись кто-то еще и уничтожил даже след от его подписи.

– Верно.

– А на следующей странице ничего не осталось?

Райм посмотрел на Купера, тот, держа под углом следующую страницу журнала регистрации, осветил ее ярким светом (в последнее время следы записей выявлялись именно так: страницу уже не заштриховывали карандашом), после чего отрицательно покачал головой.

– Ничего, – сказал Райм. – Так как же ему это удалось?

– С помощью исчезающих чернил. Раньше они включали в себя фенолфталеин, пока его не запретило Управление по контролю за продуктами и лекарствами. Таблетку растворяют в спирте и получают синие чернила со щелочным пи-аш. Потом что-то пишут, и после недолгого пребывания на воздухе синий цвет исчезает.

– Понятно. – Райм вспомнил курс химии. – Содержащаяся в воздухе двуокись углерода воздействует на щелочь и нейтрализует цвет.

– Именно так. Фенолфталеина вы больше не найдете. Но то же самое можно проделать с тимолфталеиновым индикатором и каустической содой.

– И где покупают эту штуку?

– Гм!.. – Кинкейд обратился к дочери: – Ну... подожди минутку, дорогая. Папа говорит по телефону... Нет, все нормально. В духовке все торты выглядят кривыми. Я скоро приду... Линкольн! Я как раз собирался сказать тебе, что теоретически это гениальная идея, но за все время моей работы в Бюро ни один преступник или шпион не использовал на практике исчезающие чернила. Это, знаешь ли, новация. Она имела бы успех на каком-нибудь представлении.

Ну да, представлении, мрачно подумал Райм, глядя на снимки несчастной Светланы Разниковой.

– Где же наш убийца нашел такие чернила?

– Скорее всего, в магазинах игрушек или в магазинах театрального реквизита.

Интересно...

– Ну ладно, ты очень помог мне, Паркер.

– Как-нибудь обязательно приезжайте, – сказала Сакс. – И привозите с собой детей.

Райм недовольно скривился:

– Ты еще пригласи всех их друзей. Всю школу... – Смеясь, она сделала знак, чтобы он замолчал. – Чем больше мы узнаём, тем меньше знаем, – угрюмо подытожил Райм, когда собеседник положил трубку.

Позвонившие вскоре Беддинг и Саул доложили, что в музыкальной школе к Светлане хорошо относились и у нее не было врагов. Подработка тоже вряд ли вызвала какие-нибудь неприятности – она исполняла роль массовика-затейника на детских мероприятиях.

Пришел пакет из отдела судебно-медицинской экспертизы. В нем находился пластмассовый мешок со старыми наручниками, которыми были скованы руки жертвы. Как и велел Райм, наручники не открывали. Руки жертвы сжали, и наручники стащили, чтобы, рассверливая механизм замка, не уничтожить важные улики.

– Никогда не видел ничего подобного. – Купер поднял их. – Прямо как в кино.

Райм согласился. Наручники были очень старые, тяжелые, к тому же выкованные неаккуратно.

Вычистив и простукав все механизмы, Купер так и не обнаружил ничего существенного. Правда, то, что наручники были очень старыми, несколько обнадеживало: это ограничивало поиски источников их получения. Райм попросил Купера сфотографировать их и отпечатать снимки, чтобы показать фото продавцам.

В этот момент кто-то позвонил Селитто. Разговор привел его в недоумение.

– Не может быть... Вы уверены?... Ладно, ладно. Спасибо. – Отключившись, он посмотрел на Райма. – Не понимаю.

– В чем дело? – Новые загадки уже начали раздражать Райма.

– Звонил администратор музыкальной школы. У них нет никакого уборщика.

– Но ведь патрульные видели его, – заметила Сакс.

– По субботам там не убирают. Только вечером по рабочим дням. И никто из уборщиков не похож на того типа, о котором говорили патрульные.

Уборщика не было?

Селитто пробежал глазами свои записи.

– Он находился сразу за второй дверью – прибирался. Он...

– О черт! – воскликнул Райм. – Это же был он! Уборщик ведь совсем не походил на преступника, верно? – Он взглянул на детектива.

Селитто сверился со своей записной книжкой:

– Ему было на вид за шестьдесят, лысый, в сером комбинезоне.

– В сером комбинезоне! – снова воскликнул Райм.

– Да.

– Вот вам и шелковое волокно. Оно от костюма.

– О чем вы говорите? – поинтересовался Купер.

– Наш невидимка убил студентку. Потом, когда его потревожили полицейские, он ослепил их вспышкой, убежал в репетиционный зал, установил фитили и магнитофон, чтобы они думали, будто он остался внутри, переделся в комбинезон уборщика и выбежал из второй двери.

– Но когда же он успел все с себя сбросить, Линк? – спросил толстый полицейский. – Как, черт возьми, он все это проделал? Он же был вне поля зрения секунд шестьдесят?

– Если у тебя есть другое объяснение, кроме вмешательства потусторонних сил, я готов его выслушать.

– Да нет же! Это совершенно невозможно.

– Невозможно... невозможно... – Райм подъехал к белой доске, на которой Том разместил фотографии следов. – А как насчет вещественных доказательств? – Он внимательно изучал следы преступника и те, которые Сакс сняла в коридоре. – Вот она, обувь! – наконец провозгласил он.

– Что, следы те же самые? – удивился детектив.

– Да. – Сакс подошла к доске. – Фирма «Экко», размер десятый.

– О боже! – выдохнул Селитто.

– Итак, что мы имеем? – начал Райм. – Преступник лет пятидесяти или чуть старше, среднего телосложения, среднего роста и без бороды, два деформированных пальца – возможно, стоит у нас на учете, поскольку прячет отпечатки пальцев, – и это, черт возьми, все, что мы знаем! – Райм насупился. – Нет, это не все. Есть кое-что еще. Он принес с собой смену одежды, оружие убийства... Это серийный убийца. Он собирается проделать это снова. – (Сакс кивнула.) – Чем все это объединено? – вслух рассуждал Райм, глядя на доску, где аккуратным почерком Тома было записано то, что относилось к этому делу: черный шелк, косметика, переодевание, маскировка, вспышки и пиротехника. Исчезающие чернила. – Полагаю, наш герой – фокусник и получил кое-какую подготовку.

– Похоже на то, – кивнула Сакс.

– Возможно, – согласился Селитто. – Но что же нам делать?

– Мне это кажется очевидным, – сказал Райм. – Найти своего собственного.

– Кого своего? – спросил Селитто.

– Фокусника. Кого же еще?

– Сделай это снова.

Она проделала это восемь раз подряд.

– Еще?

Мужчина кивнул.

Кара сделала это снова.

«Распутывание трех платков» – трюк, придуманный знаменитым фокусником и преподавателем Харланом Тарбеллом, всегда нравится публике. Он заключался в разъединении трех разноцветных шелковых платков, казалось бы прочно связанных вместе. Этот трюк сложно выполнить гладко, но Кара хорошо чувствовала, как это нужно делать.

Однако Дэвид Бальзак считал по-другому.

– У тебя монеты звенят, – вздыхал он.

Этот суровый упрек означал, что фокус или трюк выполнен неуклюже и зритель может обо всем догадаться. Бальзак, крупный пожилой человек с гривой седых волос и вечно усыпанной табаком козлиной бородкой, недовольно покачивал головой.

– Я думала, все прошло удачно.

– Но ты же не публика. Публика – это я. Давай еще раз. – Они стояли на маленькой сцене в задней части магазина «Зеркала и дым», который Бальзак купил десять лет назад – после того, как перестал гастролировать по миру, демонстрируя свои фокусы. Это неопрятное заведение торговало необходимыми фокусникам товарами и выдавало напрокат костюмы и реквизит. Еженедельно магазин устраивал для своих покупателей и местных жителей бесплатные любительские представления. Полтора года назад Кара, внештатно редактировавшая журнал «Я сама», набралась храбрости и приняла участие в одном из них. Репутация Бальзака долго пугала ее. Старейший фокусник обратил на Кару внимание и после представления пригласил к себе в кабинет. Своим учтивым, хотя и отрывистым голосом великий Бальзак сообщил Каре, что у нее есть потенциал и, получив подготовку, она может стать известным иллюзионистом. Он тут же предложил ей перейти на работу в магазин, пообещав стать ее учителем и наставником.

Кара уже много лет назад приехала в Нью-Йорк со Среднего Запада и теперь неплохо разбиралась в городской жизни. Она сразу смекнула, что может означать слово «наставник», принимая во внимание то, что Бальзак четырежды разводился, а она на сорок лет моложе его. Тем не менее Бальзак был настоящим мастером, и его считали знаменитостью в Лас-Вегасе. Он десятки раз объездил весь свет и лично знал каждого из ныне живущих иллюзионистов. Кара питала страсть к фокусам и понимала, что такой шанс, как этот, выпадает лишь раз в жизни. Она сразу согласилась.

Во время первого сеанса Кара была настороже, готовая держать оборону. Урок огорчил ее, но абсолютно по другой причине.

Наставник морально уничтожил Кару.

После того как битый час критиковал каждое ее движение, Бальзак взглянул на бледную, плачущую Кару и рявкнул:

– Я говорил, что у вас есть потенциал. Но это не значит, что вы хорошо работаете. Если хотите, чтобы кто-то тешил ваше самолюбие, то вы ошиблись адресом. А теперь решайте – пойдете плакать к мамочке или вернемся к работе?

И они вернулись к работе.

Так начался полугодовой период их странных отношений – любви-ненависти. За это время Кара шесть или даже семь дней в неделю не ложилась спать до утра и тренировалась, тренировалась, тренировалась.

Друзья иногда спрашивали ее, откуда взялась эта любовь, точнее, страсть к иллюзии. Вероятно, они подозревали безрадостное детство с деспотическими родителями и учителями или по крайней мере с терроризировавшими Кару школьными хулиганами, от которых заби-

тая девочка убегала в мир фантазии. Однако в детстве Кары ничего подобного не происходило – это была веселая, жизнерадостная девочка, состоявшая в отряде скаутов, отличница, гимнастка, участница школьного хора. Она впервые вышла на сцену вместе с бабушкой и дедушкой, а потом, совершенно случайно, оказалась в Вегасе, куда поехала с родителями на отцовский семинар по турбинам и где впервые увидела летающих тигров и загадочных иллюзионистов.

С этого все и началось. Учась в старших классах, Кара организовала у себя в школе имени Джона Кеннеди клуб магии, а вскоре все свои деньги, которые заработала как приходящая няня, стала тратить на журналы и видеокассеты, посвященные фокусам. Чтобы посещать представления цирка «Биг эппл» и Цирка дю Солей, ей даже пришлось подрабатывать уборкой снега.

Нельзя сказать, что у Кары не было мотива заняться изучением искусства иллюзии. Нет, побуждения Кары легко угадывала ее аудитория – два десятка родственников, собравшихся на ужин в День благодарения (полномасштабное представление с иллюзионной трансформацией и левитирующей кошкой – правда, без потайного хода, так как отец запретил ей пробивать дырку в полу гостиной), а также зрители, заполнявшие зал на смотре талантов в старших классах. Тогда Кару дважды вызывали на бис и аплодировали стоя.

Однако то, что проходило на уроках Дэвида Бальзака, сильно отличалось от этого триумфального представления. За прошедшие полтора года Каре иногда казалось, что она утратила даже тот талант, которым когда-то обладала.

Но именно в тот момент, когда Кара уже собиралась уходить, маэстро вдруг кивал и поощрял ее слабой улыбкой. Несколько раз он даже сказал: «Аккуратная работа».

В такие моменты мир казался Каре совершенным.

Во всем прочем жизнь текла как песок. Кара проводила в магазине все больше и больше времени – торговала книгами и инвентарем, вела бухгалтерию, исполняла обязанности веб-мастера на сайте. Поскольку Бальзак платил Каре немного, ей приходилось подрабатывать, занимаясь тем, что хотя бы отчасти соответствовало ее квалификации, то есть английским языком и литературой. Она писала тексты для других «магических» и театральных сайтов. Примерно год назад состояние ее матери начало внезапно ухудшаться. Кара, единственная дочь, стала проводить с ней все свободное время.

Такая жизнь выматывала, тем не менее пока Кара справлялась. Если через несколько лет Бальзак наконец объявит, что она может выступать, Кара уйдет, получив его благословение и используя связи учителя с продюсерами всего мира.

Держись крепче, девушка, как сказала бы Джейнин, и твердо стой на крупе мчащейся лошади.

Сейчас Кара снова выполнила тарбелловский трюк с тремя шелковыми платками. Страхнув на пол пепел от сигареты, Бальзак мрачно сказал:

– Левый указательный палец держи чуть повыше.

– Вы видели узел?

– Если бы я не видел, то не велел бы тебе держать палец повыше. Давай еще раз.

Проклятый указательный палец нужно, черт побери, поднять чуть повыше.

Ш-ш-ш... запутанные платки разделились и, словно знамена, победоносно взлетели в воздух.

– Угу, – слегка кивнул Бальзак.

Не слишком щедрое поощрение. Но Кара уже привыкла обходиться и этим.

Убрав реквизит, она встала за прилавок и начала просматривать список товаров, поступивших в пятницу в конце дня.

Бальзак же вернулся к своему компьютеру, на котором писал статью для сайта, посвященную Джасперу Маскелину. Этот британский фокусник создал в годы Второй мировой войны

специальное воинское подразделение, использовавшее иллюзионистскую технику для борьбы с немцами в Северной Африке. Бальзак писал по памяти, не прибегая ни к каким статьям или заметкам! У Дэвида Бальзака были две характерные особенности: глубокое знание искусства магии и вспыльчивость.

– Вы слышали, что к нам приезжает цирк «Фантастик»? – спросила его Кара. – Сегодня первое представление. – (Старый иллюзионист хмыкнул.) – Вы не пойдете? – настаивала она. – По-моему, нам нужно пойти.

«Фантастик» – конкурент более старого и крупного Цирка дю Солей – принадлежал к новому поколению цирков, объединявших традиционные цирковые номера, древнюю комедию дель арте, современную музыку и танец, искусство авангарда и уличные фокусы.

Но Дэвид Бальзак принадлежал к старой школе – Вегас, Атлантик-Сити и тому подобное.

– Незачем менять то, что и так хорошо работает! – отрезал он.

Поскольку Каре нравился «Фантастик», она твердо решила затащить своего учителя на представление. Но не успела она что-либо сказать, как входная дверь открылась и на пороге появилась приятная рыжеволосая женщина в полицейской форме. Войдя, она спросила владельца магазина.

– Это я. Меня зовут Дэвид Бальзак. Чем могу служить?

– Мы расследуем одно дело, в котором замешан человек, возможно имеющий квалификацию фокусника. Мы обходим все магазины, торгующие театральным реквизитом, надеясь, что нам помогут.

– То есть кто-то жульничает или что-то в этом роде? – осведомился Бальзак.

В голосе его звучал вызов, и Кара разделяла чувства учителя. В прошлом фокусников слишком часто отождествляли с преступниками – причиной тому было поведение некоторых жонглеров, ловко очищавших чужие карманы, или тех, кто выдавал себя за ясновидящих и, используя приемы иллюзионистов, заставлял безутешных родственников поверить, будто они общаются с духами усопших.

Однако визит женщины-полицейского был вызван совсем другой причиной.

– Вообще-то, – сказала она, переводя взгляд с Кары на Бальзака, – речь идет об убийстве.

Глава 7

– У меня есть список вещей, найденных нами на месте преступления, – пояснила Амелия Сакс, – и мы предполагаем, что их продали именно вы.

Взяв поданный ему лист бумаги, Бальзак начал читать, Сакс же рассматривала его магазин, располагавшийся в Челси – квартале фотографов. Напоминавший черную пещеру, он весь провонял плесенью и химикалиями. Ощущался здесь и запах пластмассы: он исходил от многочисленных костюмов, висевших на расставленных повсюду вешалках. На грязных стеклянных витринах, разбитых и кое-как скрепленных, лежали колоды карт, «волшебные» палочки, фальшивые монеты и пыльные коробки с реквизитом. Рядом с маской и костюмом Дианы стояла выполненная в полный рост копия инопланетянина из фантастического фильма «Чужой» («Будь на вечеринке принцессой!» – будто никто из покупателей не знал, что Диана погибла.)

Постучав по списку пальцем, Бальзак кивнул в сторону витрин:

– Едва ли смогу помочь вам. Конечно, кое-что из этого мы продаем. Но эти товары есть во всех магазинах типа моего.

Сакс про себя отметила, что на список он потратил лишь несколько секунд.

– А как насчет этого? – Она показала ему снимок старых наручников.

– В эскапологии я ничего не понимаю. – Бальзак едва взглянул на него.

– Значит, вы не узнаете их?

– Нет.

– Но это очень важно, – настаивала Сакс.

– Я узнаю, – сказала молодая женщина с потрясающими голубыми глазами и черными ногтями. Мужчина посмотрел на нее с неодобрением. – Это «дарбис» – табельные наручники Скотленд-Ярда, применявшиеся в девятнадцатом веке. Многие эскаписты пользуются ими. Их очень любил Гудини.

– Где их могли взять?

Бальзак нетерпеливо заворочался в кресле.

– Откуда нам это знать? Я уже сказал, что в этом мы не разбираемся.

Женщина кивнула:

– Возможно, где-то существуют музеи эскапологии, с которыми вы могли бы связаться.

– Когда ты закончишь прием товара, – бросил помощнице Бальзак, – займись этими заказами. Вчера вечером, после того как ты ушла, их пришло с десятков.

Сакс снова протянула ему список:

– По вашим словам, вы продавали кое-что из этих вещей. У вас есть списки покупателей?

– Я имел в виду похожие товары. А списков покупателей мы не ведем.

Задав еще несколько вопросов, Сакс вынудила его признаться, что в магазине все же есть данные о товарах, проданных по почте и через Интернет. Проверив их, молодая женщина обнаружила, что вещи, значащиеся в полицейском списке, никто не покупал.

– Увы, – сказал Бальзак, – мы не можем больше ничем помочь.

– Жаль. – Сакс подалась вперед. – Видите ли, этот тип убил женщину и исчез, используя «магические» приемы. Мы опасаемся, что это не последнее убийство.

– Ужасно... – Бальзак изобразил негодование. – Пожалуй, вам стоит зайти в «Ист-Сайд мейджик» и «Театрикал». Эти магазины побольше нашего.

– Туда сейчас отправился другой офицер.

– Вот оно что!

– Если вы что-нибудь вспомните, будьте так добры, позвоните. – Сакс любезно улыбнулась – как и подобает сержанту нью-йоркской полиции («Помните: отношения с гражданами не менее важны, чем расследование преступлений»).

– Удачи вам, офицер, – сказал Бальзак.

– Спасибо.

Равнодушный сукин сын!

Кивнув молодой женщине, Сакс заметила пластиковую чашку, из которой та пила кофе.

– Нет ли поблизости места, где продают приличный кофе?

– Угол Пятой и Девятнадцатой, – ответила та.

– Там еще хорошие рогалики, – добавил Бальзак, довольный тем, что это не стоило никаких усилий.

Выйдя из магазина, Сакс направилась к Пятой авеню, где и нашла рекомендованное кафе. Она заказала капучино. Прислонившись к узкой стойке бара, Сакс пила горячий кофе и рассеянно смотрела на тех, кто населял Челси, – продавцов магазинов одежды, фотографов и их ассистентов, живущих на чердаках богатых яппи, бедных художников, чудаковатых графоманов.

И на продавщицу магазина для фокусников, только что вошедшую в кафе.

– Привет! – сказала женщина с красновато-фиолетовыми волосами. На ее плече висела потертая сумочка из заменителя шкуры зебры.

Заказав большую чашку кофе, она бросила в нее сахар и присоединилась к сидевшей возле стойки Сакс.

Там, в магазине, Амелия спросила насчет кафе только потому, что заметила брошенный на нее взгляд помощницы Бальзака. Видимо, та хотела поговорить с ней без хозяина. Сделав большой глоток, женщина начала:

– Относительно Дэвида следует сказать, что...

– Он плохо идет на контакт?

– Ну да, так оно и есть. Ко всему, что находится за пределами его мира, он относится с подозрением и не желает иметь с этим ничего общего. Он боялся, как бы нам не пришлось быть свидетелями. А еще он не любит, когда меня отвлекают.

– От чего?

– От профессии.

– От профессии фокусника?

– Да. Видите ли, он скорее мой учитель, чем хозяин.

– Как вас зовут?

– Кара. Это мой сценический псевдоним, но я всегда так представляюсь. – Страдальческая улыбка. – Это имя звучит лучше, чем то, которым меня наградили родители.

– Мы сохраним это в секрете. – Сакс вопросительно приподняла бровь. – Почему вы так на меня посмотрели?

– Насчет списка Дэвид прав. Весь этот реквизит можно купить где угодно, в любом магазине. Или через Интернет – в сотнях мест. А вот насчет наручников – дело другое. Это редкость. Вам стоит позвонить в Новый Орлеан, в Музей Гудини и эскапологии. Он лучший в мире. Об эскапистике я постоянно думаю, хотя и не говорю ему. – На слове «ему» она сделала ударение. – Дэвид немного упрям... Не скажете ли, что случилось? Ну, насчет этого убийства?

Обычно в отношении ведущегося расследования Сакс проявляла большую осторожность, но сейчас, понимая, что ей нужна помощь, в общих чертах рассказала Каре об убийстве и последовавшем за ним исчезновении преступника.

– Какой ужас!

– Да, – согласилась Сакс. – Ужас.

– Как же он исчез? Вы ведь должны это знать, офицер... Подождите – мне надо называть вас «офицер»? Или вам больше нравится «детектив» или еще что-то в этом роде?

– Называйте меня Амелией. – И она тут же вспомнила, как замечательно сдала тренировочные учения.

Бац, бац...

Сделав еще глоток, Кара поняла, что кофе недостаточно сладкий, отвинтила крышку сахарницы и насыпала себе еще. Посмотрев на ее проворные руки, Сакс взглянула на свои ногти – два были сломаны, кожа под ними кровоточила. Ногти у девушки были превосходно обработаны, а блестящий черный лак отражал свет ламп. Амелия Сакс вдруг ощутила острую зависть, но тут же подавила ее.

– Вы знаете, что такое иллюзии? – спросила Кара.

– Ну, это Дэвид Копперфильд. – Сакс пожала плечами. – Гудини.

– Копперфильд – да, а вот Гудини – нет: он был эскапистом. В общем, иллюзия отличается от ловкости рук или манипуляции, как мы это называем. Ну, вроде этого... – Кара подняла вверх монету в четверть доллара – сдачу за кофе. Затем зажала ее в кулаке, а когда снова раскрыла ладонь, монета исчезла. Сакс засмеялась. Куда же, черт возьми, она делась? – Это и есть ловкость рук. Иллюзия – это трюки с крупными объектами, людьми или животными. То, что вы описали, – это классический трюк иллюзионистов. Он называется «Исчезнувший человек».

– «Исчезающий человек»?

– Нет, именно «исчезнувший». В том смысле, когда, например, говорят: «Он только что исчез за углом».

– Понятно.

– Обычно это выполняется несколько иначе, чем вы описали, но по сути представляет собой одно и то же: иллюзионист выбирается из запертого помещения. Публика видит, как он входит в расположенную на сцене маленькую комнату – в большом зеркале можно даже наблюдать, что происходит за ней. Слышно, как он стучит в стены. После этого ассистенты убирают стены, а его там уже нет. Потом один из ассистентов вдруг оказывается самим иллюзионистом.

– Как же это делается?

– В задней стене помещения есть дверца. Иллюзионист накрывается большим куском черной ткани, чтобы публика не видела его в зеркале, и выскальзывает через потайную дверь сразу после того, как зайдет внутрь. В одну из стен встроен динамик, который воспроизводит звуки его голоса, и специальное приспособление, ударяющее в стены так, словно он в них стучит. Оказавшись снаружи, иллюзионист быстро переодевается за шелковой занавеской в костюм ассистента. Это называется иллюзионной трансформацией.

Сакс кивнула:

– Да, все так и было. Нельзя ли получить список людей, владеющих этой методикой?

– К сожалению, нет – это общеизвестно.

Исчезнувший человек...

Сакс вдруг вспомнила, что убийца, переодевшись, внезапно превратился в старика, вспомнила о том, как Бальзак отказался сотрудничать, вспомнила и тот холодный, почти садистский взгляд, каким он смотрел на Кару.

– Я должна вас спросить, где он был сегодня утром.

– Кто?

– Мистер Бальзак.

– Здесь. В том здании. Он там и живет, прямо над магазином... Пойдите-ка, неужели вы думаете, что Бальзак к этому причастен?

– Приходится задавать стандартные вопросы, – уклончиво ответила Сакс.

Впрочем, Кару ее вопрос позабавил. Девушка засмеялась:

– Он, конечно, грубый и раздражительный, но никогда не станет никого убивать.

Сакс все же уточнила:

– Так вы знаете, где был Бальзак в восемь утра?

Кара кивнула:

– Ну да, в магазине. Он пришел пораньше, потому что один его друг готовил представление и собирался взять у него какое-то оборудование. Я позвонила Бальзаку и предупредила, что немного опаздываю.

– Вы можете ненадолго уйти с работы? – Сакс взглянула на Кару.

– Я? Ну что вы! – Кара смущенно засмеялась. – Удивительно, что сейчас мне удалось выскочить. В магазине у меня куча дел. Потом я должна часа три-четыре репетировать с Дэвидом представление, которое буду давать завтра. За день до представления он не позволит мне отдыхать. Я...

– Мы всерьез опасаемся, что этот тип убьет кого-то еще. – Сакс заглянула в ясные голубые глаза девушки, и та опустила их. – Ну пожалуйста! Всего на несколько часов. Просмотрите вместе с нами все улики. Устроим мозговую атаку.

– Он не отпустит меня. Вы не знаете Дэвида.

– Зато хорошо знаю, что убийца не остановится.

Допив кофе, Кара рассеянно вертела в руках чашку.

– Использовать наши методы, чтобы убивать людей! – потрясенно прошептала она. Сакс промолчала, а девушка тяжело вздохнула. – Моя мать находится в доме престарелых. Периодически она попадает там в изолятор. Мистер Бальзак знает об этом, поэтому я скажу ему, что поехала к ней.

– Нам действительно нужна ваша помощь.

– Ладно, – согласилась Кара. – Неприятно использовать такой предлог... Надеюсь, Господь простит мне это.

Сакс вновь посмотрела на ее великолепные черные ногти.

– Кстати, где тот четвертак?

– Посмотрите под своей чашкой, – улыбнулась Кара.

– Не может быть! – Сакс подняла чашку. Под ней лежала монета. – Как же вы это сделали? – изумилась Амелия.

Кара загадочно улыбнулась:

– Давайте попробуем еще пару раз. – Она взяла монету. – Орел – платите вы, решка – я. Считаем по двум попыткам из трех. – Кара подбросила монету в воздух.

Сакс кивнула:

– Договорились.

Поймав монету, молодая женщина бросила взгляд на свою ладонь и посмотрела на собеседницу.

– Мы ведь договаривались по двум из трех, верно?

Сакс кивнула. Кара разжала пальцы. На ее ладони лежали две монетки по десять центов и один пятак, все «орлом» вверх. Никаких признаков четвертака.

– Думаю, это означает, что платите вы.

Глава 8

– Познакомься, Линкольн, это Кара.

Райм понимал, что девушку предупредили, и все же она заморгала от удивления и посмотрела на него характерным *взглядом*, хорошо знакомым ему. И этот *взгляд* сопровождала *улыбка*.

Этот взгляд означал: «Я не смотрю на ваше тело», а улыбка говорила: «Я не замечаю, что вы инвалид».

Теперь она будет нетерпеливо ждать возможности избавиться от его общества.

Похожая на фею молодая женщина прошла в гостиную – лабораторию Райма.

– Здравствуйте! Амелия попросила меня помочь с тем делом, которое вы расследуете. Рада познакомиться с вами. – Кара не отрывала глаз от его лица. По крайней мере, она не пытается пожать ему руку, чтобы потом не отпрянуть в ужасе.

«Ладно, Кара, не беспокойся. Поделись с калекой своими озарениями и выметайся отсюда к чертовой матери».

Райм фальшиво улыбнулся ей, точно так же как и она ему, и сказал, что тоже очень рад с ней познакомиться.

С профессиональной точки зрения это не было иронией; только Кару, единственную из фокусников, им удалось отловить. Никто из сотрудников других магазинов ничем не помог им, и все на момент убийства имели алиби.

Кару также представили Лону Селитто и Мэлу Куперу. Том кивнул и поступил как всегда, независимо от воли Райма, – предложил перекусить.

– Мы тут не в церкви и не занимаемся благотворительностью, – проворчал Райм.

Кара отказалась, но Том настаивал.

– Разве что кофе? – сказала она.

– Пойдет.

– Черный. С сахаром. Может, две ложки?

– Мы... – начал Райм.

– Для всех присутствующих, – объявил помощник. – Я приготовлю кофе и принесу булочки.

– Булочки? – переспросил Селитто.

– В свободное время ты можешь открыть ресторан, – недовольно пробормотал Райм. – И зарабатывать деньги.

– Откуда мне взять свободное время? – парировал элегантный блондин и отправился на кухню.

– Офицер Сакс сообщила нам, что у вас есть некая полезная информация, – обратился Райм к Каре.

– Думаю, да.

Еще один *взгляд* и еще одна *улыбка*. «Господи, да скажи же хоть что-нибудь! Спроси, как это случилось. Спроси, больно ли мне. Спроси, каково это – писать в трубочку».

– Послушайте, а если мы дадим ему прозвище? – Селитто похлопал по белой доске с записями. Пока личность убийцы не установлена, сыщики часто дают преступникам клички. – Как насчет Фоксуника?

– Нет, это слишком слабо, – глядя на снимки жертвы, возразил Райм. – Может, Кудесник? – И сам удивился тому, что предложил такое вычурное имя.

– По-моему, годится.

Гораздо менее красивыми, чем у Тома, буквами детектив написал сверху: «Кудесник».

Кудесник...

– Давайте теперь посмотрим, удастся ли нам заставить его появиться на сцене, – сказал Райм.

– Расскажите об «Исчезнувшем человеке», – попросила Сакс.

Проведя рукой по своим коротко подстриженным волосам, Кара рассказала об иллюзионистском трюке, почти идентичном тому, что Кудесник проделал в музыкальной школе. Однако, обескуражив всех, она добавила, что такое умеют делать большинство иллюзионистов.

– Дайте нам хоть какое-то представление о том, как выполняют трюки. О методах. Чтобы мы знали, чего ожидать от Кудесника, если он захочет убить кого-нибудь еще.

– Вы хотите, чтобы я выдала вам секреты?

– Секреты?

– Ну да. – И Кара начала объяснять: – Видите ли, все трюки состоят из эффекта и метода. Эффект – то, что видит публика. Ну, вы знаете: девушка летает, монеты проваливаются сквозь прочную крышку стола. Метод – это совокупность приемов, позволяющих фокуснику это проделывать: девушка висит на тросах, монеты прячутся в ладонь и потом подменяются точно такими же, которые находятся под столом.

«Эффект и метод, – мысленно повторил Райм. – Похоже на то, чем занимаюсь я. Эффект – поимка преступника даже в тех случаях, когда это кажется невозможным. Метод – наука и логика, которые дают нам возможность сделать это».

– Секрет в том, что трюк проводится с помощью метода, – продолжала Кара. – Один секрет я уже выдала – объяснила сущность трюка «Исчезнувший человек». Дело это весьма щекотливое. Мой учитель, мистер Бальзак, презирает тех фокусников, которые выдают публике свои секреты и раскрывают чужие методы работы.

Вкатив в комнату заставленный поднос, Том налил кофе тем, кто этого пожелал. Положив сахар, Кара быстро выпила свой кофе, хотя Райму он показался обжигающе горячим. Когда Райм покосился на стоявший напротив бочонок с пивом, Том, перехватив его взгляд, сказал:

– Даже и не думайте. Сейчас только середина утра.

Бросив точно такой же жадный взгляд, но уже на булочки, Селитто позволил себе только половинку. И без сливочного сыра. Он вызывал сочувствие.

Вместе с Карой они просмотрели все улики. Она изучала их тщательно, каждый раз замечая, что все это можно получить из сотни разных источников. Веревка взята из трюка с изменяющей цвет веревкой – такую продают по всей стране. Узел использовал Гудини в своих выступлениях, когда собирался разрубать веревку, – связанный исполнитель практически не мог развязать ее.

– Даже без наручников, – пояснила Кара, – эта девушка не имела никаких шансов освободиться.

– Этот узел редкий?

Кара ответила, что его может завязать любой, кто хотя бы в общих чертах знаком с приемами Гудини.

Касторовое масло, продолжала Кара, означает, что преступник использовал очень правдоподобный и стойкий театральный грим, а латекс, как и подозревал Райм, вероятно, применялся для пальцевых накладок, также весьма популярных среди фокусников. Альгинат, предположила Кара, не имел никакого отношения к зубам, а использовался для изготовления форм для латекса – возможно, чтобы получить накладки для пальцев или же накладку для головы, изображающую лысину пожилого уборщика. Исчезающие чернила – относительная новинка, хотя некоторые фокусники иногда использовали их и раньше.

Лишь некоторые из найденных вещей оказались уникальными, например звуковая плата. Но ее преступник сделал самостоятельно. Наручники «дарби» тоже редкая вещь. Райм предложил направить кого-нибудь в музей эскапологии, упомянутый Карой. Сакс посоветовала использовать для этого патрульных, обнаруживших жертву, – Францискович и Аусонио. Такое

поручение вполне подходило для полных рвения новичков. Райм согласился, и Селитто тут же договорился обо всем с начальником патрульной службы.

– А что насчет его исчезновения? – спросил Селитто. – Как преступнику удалось так быстро переодеться уборщиком?

– Это называется «протейская магия»⁸, – ответила Кара. – Или «иллюзионная трансформация». Такие трюки я изучала много лет. У меня это один из номеров программы, но есть люди, занимающиеся только этим. Иногда это выглядит изумительно. Несколько лет назад я видела Артуро Бракетти. За одно выступление он передевался тридцать или сорок раз – иногда меньше чем за три секунды.

– Три секунды?

– Ну да. К тому же настоящие артисты не просто меняют одежду – они еще и актеры: изменяют походку, осанку, манеру говорить. Все это нужно заранее подготовить. В большинстве случаев быстрое переодевание – это, по существу, умение быстро раздеваться. Одежда должна легко сниматься, так что она, как правило, на кнопках. И сделана из шелка или нейлона, поэтому можно надеть не один слой. Я сама иногда ношу по пять костюмов.

– Значит, шелк? – уточнил Райм. – Мы нашли серые шелковые волокна с матовым оттенком, – пояснил он. – Офицеры, оказавшиеся на месте преступления, сообщили, что на уборщике была серая спецовка.

Кара кивнула:

– Костюмы и должны выглядеть как хлопковые или льняные и потому не блестеть. Еще мы носим на теле складные шляпы, раздвигающиеся зонтики и кошельки – все, что угодно. И конечно, парики. Для изменения внешности очень важны брови. Если изменить их, лицо процентов на шестьдесят-семьдесят становится другим. Потом еще добавляются кое-какие накладки – мы называем их приспособлениями, – они из латекса и приклеиваются спиртовым раствором. Те, кто специализируется на переодеваниях, изучают структуру лица, характерную для различных полов и рас. Хороший протеец, зная отличительные особенности мужского и женского лица, за считанные секунды может «сменить пол». Мы изучаем и психологическую реакцию на лица и осанку, так что при необходимости умеем становиться красивыми или уродливыми, преуспевающими дельцами или нищими.

Профессиональные тайны фокусников, конечно, интересны, но Райма сейчас особенно занимали отдельные специфические моменты.

– Не сообщите ли нам чего-нибудь, что позволило бы поймать его?

Кара покачала головой:

– Я не знаю ничего такого, что привело бы вас в какой-то конкретный магазин или куда-то еще. Но у меня есть некоторые общие соображения.

– Давайте.

– То, что преступник использовал меняющую цвет веревку и накладки для пальцев, наводит на мысль, что ему знакомо искусство, называемое ловкостью рук или искусством манипуляции. Это значит, что он может обчищать чужие карманы, прятать ножи, пистолеты и так далее. Воровать ключи и удостоверения личности. Он также владеет трансформацией, поэтому легко понять, какую проблему это создает для вас. Но самое главное – трюк «Исчезнувший человек», фитили и шутихи, исчезающие чернила, черный шелк. Все это означает, что он иллюзионист, получивший классическую подготовку.

Кара объяснила разницу между манипулятором и иллюзионистом, который имеет дело с людьми и крупными предметами.

– Почему это так важно для нас?

⁸ Это название образовано от имени Протей. В греческой мифологии Протей – морское божество, способное принимать облик различных существ.

– Потому что иллюзия требует не просто физической ловкости. Иллюзионисты изучают психологию публики и создают целые схемы, рассчитанные на то, чтобы обмануть не только взгляд, но и разум. Они стремятся не к тому, чтобы заставить вас смеяться при виде того, как исчезает четвертак, а хотят заставить до конца поверить увиденному, хотя на деле происходит нечто прямо противоположное. Вы должны твердо помнить об одном.

– О чем? – спросил Райм.

– Об отвлечении... Мистер Бальзак говорит, что это душа иллюзии. Вы слышали такое выражение: «рука двигалась быстрее взгляда»? На самом деле так не бывает. Взгляд всегда быстрее. Поэтому иллюзионисты стремятся обмануть ваш взгляд, заставив не заметить то, что делает рука.

– Вы имеете в виду отвлечение внимания? – спросил Селитто.

– Не только. Отвлечение призвано привлечь внимание зрителей к тому, что вам нужно, и отвлечь от того, куда они не должны смотреть. Существует множество правил, которые вколол в меня мистер Бальзак. Например, то, что публика не замечает привычных вещей, ее всегда тянет к новому. Зрители не обращают внимания на одинаковые вещи и концентрируются на чем-то необычном. Они игнорируют предметы неподвижные и смотрят на те, что приходят в движение. Хотите сделать что-либо невидимым? Повторите это четыре или пять раз, и очень скоро публике станет скучно, зрители начнут отвлекаться. Они могут смотреть на ваши руки и не видеть того, что вы делаете. Вот тогда они ваши. Итак, здесь преступник применяет два вида отвлечения. Первый – это физическое отвлечение. Часы. – Кара сделала шаг в сторону Сакс и, пристально глядя на свою правую руку, медленно подняла ее и указала на стену, после чего резко опустила. – Видите – вы смотрели на мою руку и туда, куда я указывала. Вполне естественная реакция. Следовательно, вы едва ли заметили, что моя левая рука держится за пистолет Амелии.

Сакс вздрогнула, опустив взгляд и обнаружив, что Кара действительно наполовину вытянула из кобуры ее пистолет.

– Поосторожнее, – сказала Сакс, опуская его в кобуру.

– А теперь смотрите в тот угол. – И Кара снова вытянула правую руку.

На сей раз, однако, Райм и все остальные не спускали глаз с ее левой руки.

– Следили за моей левой рукой, да? – Она засмеялась. – Но не обратили внимание на мою ногу, которой я задвинула под стол эту белую штуку.

– Подкладное судно, – нехотя уточнил Райм, раздраженный тем, что его снова провели. Вместе с тем он ощущал, что набрал несколько очков, упомянув название предмета, который она передвинула.

– В самом деле? – Кара ничуть не смутилась. – Ну так вот: это не только подкладное судно – это еще и отвлечение. Потому что, пока вы смотрели на него, я другой рукой кое-что взяла. Вот. – Она подала Сакс баллончик со слезоточивым газом. – Это нужная вещь? – (Амелия нахмурилась и, осмотрев свой пояс, повесила баллончик на место.) – Это физическое отвлечение. Выполнить его довольно легко. Есть еще психологическое отвлечение – вот оно значительно труднее. Зрители ведь не дураки и знают, что вы хотите их надуть. Собственно, они ради этого и пришли на представление, верно? Поэтому мы стараемся уменьшить или свести на нет подозрения публики. Самое главное – вести себя естественно. Вы говорите и действуете в соответствии с ожиданиями публики. Но, прикрываясь этим, вы незаметно проделываете нечто другое. Если вы поступаете неестественно, публика сразу настораживается. Например, я заявляю, что могу читать ваши мысли, и делаю это вот так. – Кара положила руки на виски Сакс и на миг закрыла глаза. Отступив после этого на шаг, она вернула ей сережку, которую сняла с левого уха.

– Я ничего не почувствовала.

– А вот публика сразу все поняла. Если вы утверждаете, что умеете читать мысли (в это, кстати, мало кто верит), вам для этого незачем к кому-то прикасаться. Но вот если я скажу, что должна прошептать вам на ухо что-то такое, чего никто не должен слышать... – Кара наклонилась к Сакс, моментально поднесла к губам правую руку. – Это уже будет вполне естественный жест.

– Другую сережку вы все-таки не получили, – засмеялась Сакс, успев закрыть ухо рукой.

– Но вместо этого я сняла ваше ожерелье. Посмотрите – его нет.

Даже на Райма это произвело впечатление. Он искренне позабавился, увидев, как Амелия трогает шею – с улыбкой и вместе с тем с тревогой за свои сокровища. Селитто хохотал, как ребенок, а Мэл Купер оторвался от вещественных доказательств и внимательно наблюдал за происходящим. В поисках своих драгоценностей Сакс огляделась по сторонам и уставилась на Кару, которая протягивала ей пустую правую руку.

– Его нет, – повторила она.

– А вот я все-таки заметил, – сказал Райм, – что ваша левая рука сжата в кулак и прячется за бедром. Между прочим, это не слишком естественный жест. Поэтому я готов заключить, что ожерелье там.

– Ну что же, отдаю вам должное, – сказала Кара и засмеялась. – И все-таки вы ошиблись. – Она разжала левую руку, и та тоже оказалась пустой. Райм недовольно нахмурился. – Когда я сжала и спрятала руку – это было самое важное отвлечение. Я сделала так, зная, что вы это заметите и сосредоточите внимание на моей левой руке. Мы называем это принуждением. Я заставила вас подумать, будто вы разгадали мой метод. А как только вы это сделали, ваш разум замкнулся и вы перестали рассматривать другие объяснения. Когда же вы и все остальные смотрели на мою левую руку, я опустила ожерелье в карман Амелии.

Сакс сразу сунула туда руку и вытащила ожерелье. Купер зааплодировал. Райм громко хмыкнул – это означало, что его удалось удивить.

– Так вот, именно это убийца и собирается сделать. – Кара кивнула в сторону доски. – Я имею в виду отвлечение. Вам кажется, будто вы вычислили намерения преступника, но это лишь часть его плана. Как я только что показала вам, он использует против вас ваши же подозрения – и ваш интеллект. Более того, чтобы его трюки сработали, ему нужны ваши подозрения и ваш интеллект. По словам мистера Бальзака, лучшие иллюзионисты готовят свои трюки так хорошо, что раскрывают свой метод, прямо указывая на то, что намерены сделать. Но вы не верите им. Вы смотрите в противоположном направлении. Когда это происходит, вы проигрываете, а они выигрывают. – Упоминание о наставнике встревожило Кару. Она озабоченно посмотрела на часы. – Мне действительно пора возвращаться. Я слишком долго отсутствовала.

Сакс поблагодарила ее, а Селитто сказал:

– Я вызову машину, и вас доставят прямо к магазину.

– Ну, не к самому магазину. Я не хочу, чтобы он знал, где я была... Кстати, вам стоит кое-что сделать. Сейчас в городе гастролирует цирк «Фантастик». У них есть номер с иллюзионной трансформацией. Вам стоило бы посмотреть его.

Сакс кивнула.

– Они расположились прямо через улицу, в Центральном парке.

Весной и летом в парке часто давались концерты и другие представления. Райм и Сакс однажды «присутствовали» на концерте Пола Саймона, сидя перед открытым окном его спальни.

– Ах вот кто всю ночь репетирует эту ужасную музыку! – насмешливо заметил Райм.

– Ты не любишь цирк? – удивился Селитто.

– Конечно не люблю! А кто его любит? Плохая еда, клоуны, акробаты, которые могут умереть на глазах у ваших детей... Но... – Райм повернулся к Каре. – Это интересное предло-

жение. Спасибо... Хотя кто-нибудь из нас должен был додуматься до этого и раньше, – язвительно добавил он, окидывая взглядом свою команду.

Вот она закидывает на плечо свою уродливую черно-белую сумку и собирается уйти в мир, лишенный калек, унося с собою взгляд и улыбку.

Не беспокойся. Только поделись с калеккой своими озарениями и выметайся к чертовой матери.

Внезапно остановившись, Кара пристально посмотрела на доску и вновь двинулась к двери.

– Подождите! – вдруг крикнул Райм.

Она обернулась.

– Я хотел бы, чтобы вы остались.

– Что?

– Чтобы вы поработали с нами над этим делом. По крайней мере сегодня. Вы могли бы пойти с Лоном или с Амелией и поговорить с людьми в цирке. Кроме того, не исключено, что появятся еще какие-то улики по вашей части.

– Нет-нет! Не могу. Мне было очень трудно уйти. Я действительно не могу задерживаться.

– Нам нужна ваша помощь, – сказал Райм. – Мы только-только зацепили этого типа.

– Вы же видели мистера Бальзака, – обратилась Кара к Сакс.

*In nomine patri...*⁹

– Знаешь, Линк, – озабоченно проговорил Селитто, – не стоит привлекать к этому делу слишком много гражданских. Есть же правила.

– А разве не ты пользовался услугами медиума? – сухо осведомился Райм.

– Я не нанимал ее! – возмутился Селитто. – Это сделал кто-то в штабе.

– А еще у тебя был кинолог, а еще...

– Ты все время говоришь «ты». Я гражданских не нанимал. Кроме тебя. А ты уже доставил мне кучу неприятностей.

– Ты еще не знаешь, что такое неприятности по службе, Лон! – Райм посмотрел на Кару. – Будьте так любезны! Это очень важно.

Девушка колебалась.

– Вы и вправду считаете, что он собирается кого-то убить?

– Да. Считаю.

Кара наконец уступила:

– Если уж меня уволят, то хоть за дело. – Она вдруг рассмеялась. – А знаете, Робер-Уден когда-то сделал то же самое.

– Кто это?

– Знаменитый французский иллюзионист и фокусник. Он тоже помогал полиции, вернее, французской армии. В девятнадцатом веке, точнее сказать не могу, были такие алжирские экстремисты, которых звали марабутами¹⁰. Они пытались поднять местные племена против французов, утверждая, будто обладают магической силой. Французское правительство отправило Робер-Удена в Алжир, чтобы устроить там нечто вроде магической дуэли – показать племенам, насколько магия у французов сильнее. Это сработало. Робер-Уден показал тогда более эффектные трюки. – Кара вдруг нахмурилась. – Хотя, по-моему, они едва не убили его.

– Не беспокойтесь, – сказала Сакс. – Я позабочусь о том, чтобы с вами этого не случилось.

Кара бросила взгляд на таблицу:

– Вы всегда выписываете то, что узнали?

⁹ Во имя Отца... (лат.)

¹⁰ *Марабут* – в широком смысле член религиозного братства, мусульманский монах в странах Северной Африки.

– Да, – кивнула Сакс.

– У меня есть идея. Фокусники, как правило, специализируются на чем-то одном. Как же Кудесник занимается и трансформацией, и крупномасштабными иллюзиями? Это необычно. Давайте выпишем его методы. Это поможет сузить круг возможных исполнителей.

– Ага, – обрадовался Селитто. – Набросаем контуры. Это здорово.

Девушка поморщилась:

– И нужно, чтобы кто-нибудь подменил меня в магазине. Мистер Бальзак собирается сегодня уехать со своим другом... О боже, ему это не понравится! – Кара огляделась. – Откуда я могу позвонить? Мне нужен особый телефон.

– Особый? – удивился Том.

– Ну да, чтобы никто не увидел, как я вру своему начальнику.

– Ах вот вы о чем! – Обняв Кару за плечи, помощник увлек ее в коридор. – Лично я пользуюсь вот этим.

КУДЕСНИК

МЕСТО ПРЕСТУПЛЕНИЯ: МУЗЫКАЛЬНАЯ ШКОЛА

• Описание преступника: каштановые волосы, фальшивая борода, без особых примет, возраст – около пятидесяти, среднее телосложение, средний рост. Мизинец и безымянный палец на левой руке срослись. Быстро сменил одежду и стал похож на старого лысого уборщика.

• Очевидных мотивов нет.

• Жертва: Светлана Разникова.

• Студентка дневного отделения.

• Опросить родственников, друзей, студентов, знакомых в поисках возможных зацепок.

• Нет любовников, нет известных врагов. Выступала на детских праздниках.

• Монтажная плата с динамиком.

• Отправлена в лабораторию ФБР.

• Цифровой магнитофон – возможно, с записью голоса преступника. Все данные уничтожены.

• Предназначен для имитации присутствия. Собственного изготовления.

• Старые наручники типа «дарби», использованы для удержания жертвы. Британского производства. Проконсультироваться в Музее Гудини в Новом Орлеане на предмет возможных зацепок.

• Часы жертвы разбиты ровно в 8:00.

• Хлопчатобумажные веревки, которыми были связаны стулья. Самые обычные. Слишком много возможных источников: трудно выяснить их происхождение.

• Петарда для создания эффекта выстрела.

• Слишком много возможных источников, чтобы проследить происхождение.

• Фитиль. Самый обычный.

• Слишком много возможных источников, трудно выяснить его происхождение.

• Очевидцы-офицеры сообщают о вспышке света. Никаких вещественных доказательств не обнаружено.

• Пиробумага.

• Слишком много возможных источников, чтобы выяснить ее происхождение.

• Обувь преступника: ботинки фирмы «Экко» 10-го размера.

• Шелковые волокна, окрашенные в матовый серый цвет.

• От комбинезона уборщика (иллюзионная трансформация).

• Неизвестный, возможно, носил каштановый парик.

• Красный земляной каштан гикори и лишайник пармелия консперса растут в основном в Центральном парке.

- Грязь, пропитанная необычным минеральным маслом. Отправлена на анализ в ФБР.
- Черная шелковая ткань, 72 × 48 дюймов. Использовалась для маскировки. Происхождение установить невозможно.
- Иллюзионисты часто используют ее.
- Применяет накладки, чтобы скрыть отпечатки пальцев.
- Накладки для пальцев.
- Следы латекса, касторового масла, грима.
- Следы альгината.
- Используется при выплавлении латексных приспособлений.
- Орудие убийства: белая шелковая веревка с черной шелковой сердцевинкой.
- Вербка применяется для фокусов – «Смена цвета». Происхождение проследить невозможно.
- Необычный узел.
- Отправлено в ФБР и Морской музей – информации нет.
- Такие узлы применялись Гудини, освободиться от них почти невозможно.
- Использовал для записи в журнале регистрации исчезающие чернила.

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ ПРОФИЛЬ ИЛЛЮЗИОНИСТА

- Преступник будет использовать прием отвлечения – против жертв и для того, чтобы спастись от полиции: физическое (для отвлечения внимания); психологическое (чтобы отвести подозрения).
- Бегство из музыкальной школы похоже на трюк «Исчезнувший человек». Слишком распространен, чтобы проследить.
- Преступник в первую очередь иллюзионист.
- Прекрасный манипулятор.
- Владеет также приемами протейской магии. Будет использовать костюмы для трансформации, нейлон и шелк, накладную лысину, накладки для пальцев и прочие латексные приспособления. Может выглядеть как представитель любого пола, возраста или расы.

Глава 9

По пути они ощущали множество запахов: запахи цветущей сирени, лосьона для загара, дыма от жарящихся семейных барбекю из цыплят и ребрышек.

Пройдя по мокрой траве, Сакс и Кара приблизились к огромному белому шатру цирка «Фантастик».

– Так что, он больше чем твой начальник? – спросила Кара, заметив целующуюся на скамейке парочку.

– Линкольн? Да.

– Мне так и показалось... Как вы познакомились?

– Во время расследования серийного убийства. Несколько лет назад.

– Трудно, когда он в таком состоянии?

– Да нет, не трудно, – ответила Сакс, и это была чистая правда.

– Врачи могут для него что-нибудь сделать?

– Предлагают операцию, но это рискованно и, вероятно, ничего не даст. В прошлом году он решил не делать ее, и был страшно этим доволен. Так что пока все зависло. Но возможно, когда-нибудь он передумает. Поживем – увидим.

– Похоже, ты против.

– Верно. Много риска и мало пользы. По-моему, вопрос в том, насколько оправдан риск. Например, ты очень хочешь арестовать какого-нибудь преступника, собрала на него кучу бумаг. Получила ордер. Тебе известно, что он находится там-то и там-то. Станешь ли ты сразу выбивать дверь, если не знаешь, спит он или же стоит за дверью с двумя друзьями и все они держат в руках «МП-пять»? Или же предпочтешь вызвать подмогу, рискуя тем, что они ускользнут? Иногда риск оправдан, иногда нет. В данном случае я не уверена, что он оправдан. Но если Райм попытается, я буду вместе с ним. Именно так мы и работаем.

Затем Сакс рассказала, что Райм проходит курс лечения, включающий в себя электронную стимуляцию мышц. Иногда это дает обнадеживающие результаты, а так как вмешательство в функции организма здесь минимально, это менее рискованно, чем хирургическое вмешательство.

– Через несколько лет может наступить некоторое улучшение. Когда Райм за что-то берется, успех гарантирован на сто десять процентов. – Сакс вдруг умолкла, с чужими людьми она редко говорила о Райме. Но к Каре почему-то испытывала симпатию. – Он не любит, когда я говорю об этом, но иногда занимается только этими упражнениями. Райм исчезает, и день-два я ничего не слышу о нем.

– Тоже своего рода «Исчезнувший человек»? – улыбнулась Кара.

– Ну да! – засмеялась Сакс.

Обе на миг замолчали. «Может, Кара ожидает от меня большего?» – подумала Сакс. Рассказов о тяжелой борьбе с неумолимыми обстоятельствами, о том, как реагируют, когда они вместе появляются на публике, о пикантных подробностях из жизни инвалида. Или даже каких-то намеков на характер их отношений. Но если Кара и сгорала от любопытства, она ничем не выказала этого.

Кроме явного чувства зависти, она как будто ничего не испытывала.

– В последнее время мне не очень-то везет с мужчинами, – призналась Кара.

– Ни с кем не встречаешься?

– Не совсем так. Последняя встреча была у меня дома. Французские тостики и мимозы. Завтрак в постель. Очень романтично! Он сказал, что на следующий день позвонит.

– И не позвонил.

– Да, и наверное, стоит добавить, что этот завтрак был три недели назад.

– А ты звонила ему?

– Я никогда бы не сделала этого! Это его проблема.

– Ну и правильно. – Сакс хорошо знала, что гордость и сила духа – вещи взаимосвязанные.

– Есть один старый трюк, который исполнял фокусник Уильям Элсуорт Робинсон. Он назывался «Как избавиться от жены, или Машина для развода», – засмеялась Кара. – Это как раз про меня. Я быстрее всех заставляю любовников исчезнуть.

– Положим, они и сами неплохо умеют исчезать, – вздохнула Сакс.

– Большинство парней, с которыми я встречалась, работая в магазине, интересовались двумя взаимоисключающими вещами: или одну ночь покувыркаться в сене, или, наоборот, свить семейное гнездышко где-нибудь в пригороде... К тебе когда-нибудь сватались?

– Конечно. Это бывает ужасно, впрочем все зависит от того, кто сватается.

– Ты совершенно права, сестренка! Ну так вот, ни кувыркаться в сене, ни вить семейное гнездышко мне не подходит. Правда, иногда хочется немного порезвиться. И пусть немного поухаживают.

– А как насчет коллег?

– Так ты заметила, что я исключила их из своего уравнения? Другие исполнители... Нет, это не по мне. Возникает конфликт интересов. Они, разумеется, утверждают, будто любят сильных женщин, но большинство вообще не желают видеть в этом деле никаких женщин. Соотношение тут примерно сто к одному. Теперь, правда, стало лучше. О, теперь есть знаменитые женщины-иллюзионисты! Принцесса Тенко, японская иллюзионистка, – настоящее чудо. Есть и другие. Но так стало только сейчас. Двадцать или тридцать лет назад женщины были только ассистентками. – Кара покосилась на Сакс. – В полиции ведь тоже так, да?

– Сейчас уже не так плохо, как раньше. В шестидесятых и семидесятых женщинам пришлось ломать лед. Вот тогда было трудное время. Но и на мою долю тоже кое-что выпало. Перед тем как перейти в следственный отдел, я была в патрульной службе. Когда мы патрулировали Адскую кухню¹¹ в Мидлтауне, женщине обязательно давали в напарники опытного копа-мужчину. Иногда мне попадались типы, которым претила мысль о том, что им придется дежурить с женщиной. Один за время всего дежурства не сказал мне ни слова. Восемь часов мы расхаживали по улице, и этот парень молчал! Когда мы отправлялись на ланч, я сидела и наблюдала за посетителями. Расположившись в полуметре от меня, он читал спортивный раздел и вздыхал, потому что вынужден был впустую тратить время с бабой-напарником. – На Сакс нахлынули воспоминания. – Когда я работала в доме «семь-пять»...

– Где?

– Ну, в округе; мы называем их домами. Обычно копы не говорят «семьдесят пятый», у них всегда получается «семь-пять» или «семьдесят пять».

– Понятно.

– Ну так вот, наш постоянный начальник отсутствовал, и его временно замещал сержант, принадлежавший к старой школе. Это был один из первых дней моей работы в «семь-пять», а в этой смене я была единственной женщиной. Я прихожу в зал заседаний на инструктаж и вижу, что к кафедре приклеена примерно дюжина прокладок «Котекс».

– Не может быть!

– Еще как может! Постоянный начальник никому бы этого не спустил. Но ведь копы во многих отношениях как дети. Они дурачатся до тех пор, пока взрослые их не остановят.

– В кино показывают другое.

– Кино снимают в Голливуде, а не в округе «семь-пять».

– И что же ты сделала с этими прокладками?

¹¹ Адская кухня – район Манхэттена.

– Прошла в первый ряд и попросила копа, сидевшего там, уступить мне место. Они так захохотали, что, возможно, описались. А я села и начала записывать то, что говорил нам сержант: о просроченных ордерах, отношениях с населением и известных местах продажи наркотиков. Через две минуты копы перестали смеяться и, видимо, смутились. Они – а не я.

– Ты знала, кто это сделал?

– Конечно.

– И ты не доложила о нем?

– Нет. Видишь ли, это самое трудное в профессии женщины-копа. Приходится работать с этими людьми, и нужно, чтобы они прикрывали тебе спину. Ты можешь бороться на каждом шагу, но, если поступишь так, считай, что проиграла. Самое трудное состоит не в том, чтобы иметь мужество бороться. Самое трудное – знать, когда бороться и как.

Гордость и сила духа...

– Как и у нас, в нашем деле. Если ты привлекаешь публику, тебя наймут. Но тут есть своя «уловка-22»¹². Пока тебя не наймут, ты не докажешь, что соберешь толпы, а пока не начнешь приносить доход, тебя не наймут.

Они уже были рядом с огромным сияющим шатром, и Сакс заметила, как при взгляде на него загорелись глаза девушки.

– Это то место, где ты хотела бы работать?

– Да! Это мое представление о счастье – «Фантастик» и свои передачи по Эн-би-си. – Кара огляделась. – Мистер Бальзак научил меня всем старым трюкам, и это очень важно, их нужно знать как следует. Но, – она кивнула в сторону шатра, – искусство магии развивается именно в этом направлении. Дэвид Копперфильд, Дэвид Блейн... Артистизм, уличная магия. Сексуальная магия.

– Тебе надо пройти здесь пробу.

– Мне? Ты шутишь! Я еще совсем не готова. Мое выступление должно быть идеальным. Я должна быть лучшей.

– Лучше мужчин?

– Нет, лучше *всех* – и мужчин, и женщин.

– Почему?

– Ради публики. Мистер Бальзак твердит как заезженная пластинка: мы в долгу перед публикой. Каждый твой вздох на сцене – только ради публики. Иллюзия должна быть не просто хорошей. Зрители должны быть не просто довольны – представление обязано вызывать у них трепет. Если хоть один зритель уловит твои движения – ты проиграла. Если замешкаешься хоть на миг и трюк покажется скучным – ты проиграла. Если хоть один зритель зевнет и посмотрит на часы – ты проиграла.

– По-моему, невозможно всегда все делать на сто процентов, – возразила Сакс.

– Но это необходимо!

Они наконец вошли в «Фантастик», где полным ходом шли репетиции – на этот вечер было назначено первое представление. Вокруг расхаживали десятки исполнителей: одни в сценических костюмах, другие в джинсах, шортах и теннисках.

– Вот это да! – выдохнула Кара. Сейчас она походила на маленькую девочку; ее глаза не отрывались от сверкающего белого холста.

Услышав наверху и сзади громкий треск, Сакс слегка вздрогнула. Подняв глаза, она увидела два огромных транспаранта, хлопающих на ветру: на одном было выведено «Цирк „Фантастик“», на другом изображен худой человек в черно-белом клетчатом трико, который простирает вперед руки, приглашая публику войти. На мужчине была черная полумаска, черты

¹² «Уловка-22» – практически неразрешимая парадоксальная ситуация. Выражение получило распространение благодаря одноименному роману американского писателя Джозефа Хеллера.

лица казались гротескными. Этот образ встревожил Сакс: она сразу вспомнила Кудесника, скрывавшего лицо под разнообразными масками.

Свои мотивы и планы он тоже скрывал.

– Это Арлекин, – пояснила Кара. – Ты слышала о комедии дель арте?

– Нет.

– Это итальянский театр масок. Он существовал, по-моему, с шестнадцатого по восемнадцатый век. «Фантастик» использует маски как лейтмотив. – Кара указала на висевшие по сторонам транспаранты поменьше с изображением других масок. Из-за крючковатых носов, высоких бровей, резко выступающих скул вид у них был озабоченный и гротескный. – Комедия дель арте имела около дюжины постоянных персонажей. Все труппы использовали их в своих пьесах. Маски они носили для того, чтобы показать, какой именно персонаж изображают.

– И это комедия? – удивилась Сакс, разглядывая особенно демоническую маску.

– Думаю, сейчас это назвали бы черной комедией. Арлекина нельзя считать положительным героем. Мораль у него вообще отсутствовала. Все, что его интересовало, – это еда и женщины. К тому же он появлялся и сразу исчезал, словно подкрадывался к зрителям. Другой герой, Пульчинелла, своего рода садист. Он устраивал всякие гнусные проделки – даже со своими любовницами. Там был еще Доктор-отравитель. Единственно приличная – вот эта женщина, Коломбина. Мне нравится в комедии дель арте то, что роль Коломбины исполняла женщина. Не то что в Англии, где женщинам не разрешалось выступать на сцене.

Транспарант снова захлопал. Глаза Арлекина теперь смотрели за спину Сакс, словно Кудесник старался не замечать ее.

Нет, мы не знаем, кто он и где находится...

Обернувшись, она увидела приближавшегося охранника.

– Нужна помощь, офицер? – спросил он.

Сакс сказала, что хочет видеть директора. Охранник ответил, что того сейчас нет на месте, и предложил ей поговорить с его помощником.

Сакс согласилась, и к ним вышла невысокая женщина, худая, с измученным лицом, черноволосая, похожая на цыганку.

– Чем вам помочь? – спросила она со странным акцентом.

– Мы расследуем серию преступлений, совершенных в этом районе, – сказала Сакс. – Нам хотелось бы знать, есть ли у вас иллюзионисты или участники номеров с быстрым переодеванием.

Лицо женщины выразило беспокойство.

– Есть, конечно. Ирина и Влад Кладовы.

– Пожалуйста, по буквам.

Когда Сакс записала их имена, Кара кивнула:

– Я слышала о них. Это украинцы, артисты Московского цирка, выступавшие несколько лет назад.

– Верно, – подтвердила помощница директора.

– Они провели здесь все утро?

– Да. Они закончили репетировать двадцать минут назад. А сейчас пошли по магазинам.

– Вы уверены, что они все время были на месте?

– Да. Я слежу за тем, кто и где находится.

– А другие? – спросила Сакс. – Из тех, кто занимается иллюзией или протейской магией? Даже если они не выступают.

– У нас больше таких нет. Только эти двое.

– Ладно, – кивнула Сакс. – Вот что мы сделаем – пришлем сюда двух полицейских, и они будут находиться неподалеку. Они приедут сюда примерно через пятнадцать минут. Если

услышите, что кто-то надоедает вашим сотрудникам или публике, ведет себя подозрительно, сразу дайте им знать. – Это предложил Райм.

– Да, я всех предупрежу. Но может, вы объясните мне, в чем дело?

– Сегодня совершил убийство человек с квалификацией иллюзиониста. Мы видим, что с вашим представлением это не связано, но все же хотим подстраховаться.

Поблагодарив помощницу директора, они ушли. Та расстроилась и, вероятно, жалела, что спросила о причине их визита.

– Так что ты знаешь насчет тех артистов? – поинтересовалась Сакс, когда они вышли.

– Украинцев?

– Ну да. Можно им доверять?

– Это муж и жена, у них двое детей, и они путешествуют с ними по свету. Это лучшие в мире исполнители номера с иллюзионной трансформацией. Не представляю, чтобы они имели отношение к убийству.

Набрав номер Райма, Сакс продиктовала Тому имена украинцев и сообщила о том, что узнала.

– Пусть Мэл или кто-нибудь другой пропустит их через базу данных Госдепартамента.

– Сделаем.

Сакс закончила разговор, и они направились к выходу из парка – навстречу свинцово-серым облакам, внезапно появившимся на небе.

Позади снова раздался громкий хлопок – это ветер трепал транспарант, на котором игривый Арлекин продолжал зазывать прохожих в свое таинственное королевство.

Ну как, почтеннейшая публика?

Вы уже отдохнули?

Это прекрасно, поскольку подошло время нашего следующего номера.

Возможно, вам неизвестно имя П. Т. Селбита, но если вы хоть когда-либо бывали на выступлениях иллюзионистов или видели их по телевидению, то, вероятно, знакомы хоть с какими-то из тех трюков, которые этот англичанин исполнял в начале 1900-х годов.

Начиная свою карьеру, Селбит выступал под собственным именем Перси Томас Тиббис, но вскоре понял, что такое обычное имя не подходит исполнителю, специализирующемуся не на карточных фокусах, не на иллюзиях с исчезающими голубями и летающими детьми, а на садомазохистских представлениях, которые шокировали и вместе с тем привлекали к себе публику во всех странах мира.

Вы правы, сценический псевдоним Селбит – это фамилия артиста, только прочитанная задом наперед и чуть измененная. Именно Селбит создал номер под названием «Живая подушка для булавок», в котором девушку-ассистентку протыкают восьмьюдесятью четырьмя острыми как иголка шипами. Другое его творение «Четвертое измерение» – трюк, во время которого публика с ужасом наблюдала, как молодую женщину расплюсчивает огромный ящик. Но более всего я люблю трюк, впервые исполненный Селбитом в 1922 году. Его название, почтеннейшая публика, говорит само за себя: «Идол крови, или Уничтожение девушки».

Сегодня я с радостью представляю вам обновленную версию этой самой известной иллюзии Селбита, которую он показывал в десятках стран, а однажды исполнил в присутствии королевских особ на Лондонском ипподроме.

Она известна как...

Но нет, почтеннейшая публика, лучше я оставлю вас в неведении и пока воздержусь от того, чтобы сообщать название этой иллюзии. Тем не менее я дам вам одну подсказку: когда Селбит исполнял этот номер, он приказывал своим ассистентам налить в канаву перед театром нечто похожее на кровь. Это оказалось очень удачной находкой.

*А теперь наслаждайтесь следующим номером нашей программы.
Надеюсь, что будет именно так.
Правда, я знаю одного человека, которому это явно не понравится.*

Глава 10

«Сколько же я проспал?» – размышлял молодой человек. Театральное представление закончилось в полночь, потом они выпивали в «Белой лошади», потом, когда он был уже дома, часа в три позвонил Брэгг и они проговорили минут сорок – нет, наверное, час. Потом у него скрутило живот, и так он промучился до половины девятого.

Сколько же он проспал?

Цифры ускользали от Тони Калверта, и он подумал, что ему лучше этого не знать. В конце концов, он работает на Бродвее и не участвует в съемках рекламных роликов, которые иногда начинаются – помоги нам Господь – в шесть утра. То, что к репетиции в театре «Гилгуд» приступают лишь во второй половине дня, с лихвой искупало необходимость работать по субботам и воскресеньям.

Посмотрев на свои орудия труда, Тони решил взять с собой побольше средства для сокрытия татуировки. Иначе леди из Тинекса и Гарден-Сити усомнятся в правдивости образа главного героя: ведь он ухлестывает за девицей-инженером, тогда как на его мощном бицепсе видна надпись «Навеки твой Роберт».

Закрыв большой желтый ящик с гримом, Калверт взглянул на свое отражение в висящем рядом с дверью большом зеркале и понял, что выглядит более или менее сносно, хотя и чувствует себя отвратительно. После февральской поездки на юг на лице еще оставались следы загара. Глядя на подтянутый живот, никто не заподозрил бы, что в нем творилось («Боже мой, и все из-за каких-то четырех банок пива! Ну разве можно так мучиться?»). Глаза, правда, красные, но с этим легко справиться. Профессиональный стилист знает сотни способов, как превратить старых в молодых, вполне заурядных – в настоящих красавиц, а усталых – в полных сил и энергии. Он начал атаку с глазных капель, после чего нанес завершающий удар – с помощью кисточки для теней.

Надев на себя кожаную куртку, Калверт запер дверь и направился к выходу из своего дома, расположенного в Ист-Виллидж. До полудня оставалось несколько минут. Большинство соседей, размышлял Калверт, сейчас или гуляют, радуясь первому погожему субботнему дню, или спят после пьянки.

Как всегда, он вышел через черный ход и оказался в узком проходе позади здания. Двинувшись к улице, находящейся метрах в десяти, Калверт вдруг заметил какое-то движение в небольшом закутке справа.

Остановившись, он всмотрелся в темноту. Животное. Боже мой, неужели крыса?

Нет, это кошка – кажется, раненая. Калверт огляделся, но вокруг никого не было.

Бедняжка!

Он не слишком любил животных, но в прошлом году на его попечение оставляли норидж-терьера, и Калверт запомнил, как сосед на всякий случай сказал ему, что ветеринарная клиника за углом. По дороге в метро он может занести туда кошку. Возможно, его сестра возьмет ее. Раз она усыновляет детей, почему бы ей не взять и кошку?

Задерживаться в проулках этого района было довольно опасно, но Калверт видел, что здесь он пока один. Стараясь не спугнуть животное, Калверт медленно двинулся вперед. Кошка лежала на боку и слабо мяукала.

Дастся ли она в руки? А вдруг начнет царапаться? Помнится, он как-то читал, что такие царапины приводят к заражению крови. Однако кошка казалась слишком слабой, чтобы причинить ему какой-либо вред.

– Эй, что случилось, милашка? – промурлыкал Калверт. – Тебе больно?

Присев на корточки, Калверт поставил на булыжное покрытие ящик с гримом и осторожно протянул руку, боясь, как бы кошка не бросилась на него. Однако, дотронувшись до нее,

Калверт в ужасе отдернул руку. Кошка была холодной как лед и страшно тощей – под шкурой выпирали кости. Может, она дохлая? Нет, вот нога двинулась. А вот она снова мякнула.

Он снова дотронулся до нее. Погоди-ка, а ведь это не кости. Это какие-то прутья, а внутри – металлический ящик.

Что за чертовщина?

Может, его снимают скрытой камерой? Или это какой-то гад так шутит с ним?

Подняв глаза, Калверт увидел, что метрах в трех от него кто-то есть. Ахнув, он попятился. Этот тип сидит на корточках и...

«Да нет же, – решил он. – Это мое собственное отражение в зачем-то стоящем здесь большом зеркале, мое ошарашенное лицо и широко раскрытые глаза». Немного успокоившись, Калверт усмехнулся, но тут же снова насторожился, потому что сидевшая перед ним фигура внезапно подалась вперед и медленно упала вниз – это зеркало свалилось на камни и разбилось.

Скрывавшийся за ним бородатый мужчина средних лет рванулся вперед, сжимая в руке большой обрезок трубы.

– Нет! Помогите! – отшатнувшись от него, крикнул молодой человек. – Боже мой, боже мой!

Труба уже опускалась ему на голову.

Однако в последний момент Калверт схватил свой ящик для грима и, швырнув его в нападавшего, отклонил удар. Вскочив на ноги, молодой человек бросился бежать. Нападавший последовал за ним, но, поскользнувшись на камнях, упал на колено.

– Возьми кошелек! Возьми его! – Вытащив из кармана бумажник, Калверт швырнул его назад.

Однако бандит не обратил на это внимания и, вскочив, вновь последовал за своей жертвой. Он отрезал Калверту путь на улицу, так что укрыться можно было только в здании.

«Господи, Господи, Господи...»

– Помогите, помогите, помогите!

Ключи! – вспомнил он. Их надо сейчас же достать! Выудив их из кармана джинсов, Калверт быстро оглянулся. Преследователь был примерно в десяти метрах. «Если мне не удастся отпереть дверь сразу, это значит... я уже покойник».

Не сбавляя скорости, Калверт тяжело ударился о металлическую дверь и – о чудо! – без труда вставил ключ в замок и повернул его. Дверь открылась, он вытащил ключ и, вбежав в подъезд, захлопнул за собой стальную дверь. Замок автоматически защелкнулся.

Сердце бешено стучало, но Калверт не задержался ни на минуту. «Кто же это такой? Грабитель? Наркоман? Какая разница, – подумал он. – Не позволю уйти этому гаду». Пробежав по коридору, он быстро открыл дверь своей квартиры. Ворвавшись в коридор, Калверт захлопнул за собой дверь и запер замок.

Поспешив на кухню, он схватил трубку телефона и набрал 911.

– Полицейская и пожарная служба, – произнес женский голос.

– Нападение! На меня только что кто-то напал. Он остался снаружи.

– Вы ранены?

– Нет, но вы должны прислать полицию! Как можно скорее!

– Он что, уже у вас?

– Он не смог войти. Я запер дверь. Но возможно, он остался в проулке! Поспешите!

«Что это?» – вдруг встрепнулся Калверт. В лицо неожиданно подул ветерок. Ощущение было знакомым – это означало, что кто-то открыл дверь в его квартиру.

– Алло, сэр, где вы? – спросила оператор службы 911. – Вы можете...

Резко повернувшись к двери, Калверт громко закричал – всего в метре от себя он увидел, как бородатый мужчина с трубой в руке спокойно вырывает из стены телефонные провода.

Попятившись, Калверт прижался спиной к холодильнику – дальше пути не было.

– Что... – прошептал он, заметив шрам на шее бандита и его покалеченную левую руку.

Не обращая на него внимания, нападавший огляделся, сначала бросив взгляд на кухонный стол, потом на стоявший в гостиной большой деревянный кофейный столик. Что-то из увиденного явно обрадовало его. Он вновь обернулся к Калверту, и когда обрушил на него трубу, этот жест мог бы показаться со стороны даже каким-то задумчивым.

Они подкатили к дому почти беззвучно – две оперативные машины, в каждой по два полицейских.

Прежде чем они успели остановиться, сержант уже выскочил из первой машины. Прошло шесть минут с тех пор, как на номер 911 поступил тревожный вызов. И хотя разговор прервался, благодаря современной технологии Центральная моментально выяснила, из какой именно квартиры звонил потерпевший.

Шесть минут... Если повезет, жертва нападения останется жива и здорова. Если повезет меньше, то по крайней мере преступника они застанут в квартире. Он наверняка шарит в вещах потерпевшего.

Полицейский включил «Моторолу».

– Сержант. Четыре-пять-три-один – Центральной. Десять-восемь-четыре. Я на месте преступления, на Девятой улице.

– Принято, четыре-пять-три-один. Машина «скорой помощи» на подходе. Раненые есть?

– Пока не знаю. Конец связи.

– Принято, конец связи.

Направив одного из своих людей за угол, чтобы прикрыть служебный вход и задние окна, сержант велел другому встать у фасада. Третий полицейский вместе с сержантом двинулся к подъезду.

Если повезет, злоумышленник выпрыгнет из окна и сломает ногу. В этот чудесный день сержанту вовсе не хотелось гоняться за всякими мерзавцами.

Район, где они сейчас находились, благодаря проходившим здесь с севера на юг улицам А, В и С назывался «Алфавит» и имел дурную славу. Тут не успеешь досчитать до трех, как тебя уже могут подстрелить. В последнее время положение здесь немного улучшилось, но все равно этот квартал был одним из самых опасных в Манхэттене. Когда копы приблизились к двери, каждый держал оружие наготове.

Хорошо, если он вооружен только ножом. Или каким-то предметом вроде того, чем один придурок угрожал сержанту на прошлой неделе: палочка для еды, а вместо щита крышка от мусорного бака.

Ну, положим, в одном отношении им все же повезло – не пришлось ждать, пока кто-нибудь впустит их в подъезд. На улицу как раз выходила пожилая женщина, согнувшаяся под тяжестью хозяйственной сумки, из которой торчал большой ананас. Заморгав от удивления, она придержала дверь для вбегавших в подъезд двух копов, а те на ее удивленный вопрос: «Что вы тут делаете?» – ответили уклончивым: «Вам не о чем беспокоиться, мэм».

Если повезет...

Квартира 1J находилась на первом этаже у задней стены дома. Сержант встал слева от двери, его подчиненный, расположившись с другой стороны, кивнул. Сержант тут же гулко забарабанил в дверь огромными кулачищами.

– Полиция! Откройте дверь! Откройте сейчас же! – Никакого ответа. – Полиция!

Он потрогал ручку. Снова повезло – дверь была не заперта. Сержант рывком распахнул ее, и оба копа тут же отпрянули назад. Мгновение они стояли неподвижно, потом сержант осторожно заглянул за угол.

– О господи! – прошептал он, увидев, что находится посреди гостиной.

О везении больше не приходилось и думать.

Секрет протейской магии, то есть иллюзионной трансформации, заключается в том, чтобы осуществлять простые, но резкие изменения в своей внешности и поведении, одновременно отвлекая публику.

А никакое изменение не может быть более впечатляющим, чем превращение в семидесятипятилетнюю старуху с сумкой.

Мальэрик знал, что полиция приедет быстро, поэтому после недолгого представления в квартире Калверта он мгновенно переделался в один из своих спасательных комплектов – закрытое синее платье и белый парик. Эластичные джинсы Мальэрик подтянул выше края юбки – так, чтобы они не были видны. Отлепив бороду, он нанес на лицо толстый слой румян. Затем сделал еще десяток мазков – уже карандашом для бровей, – и его лицо сразу постарело на двадцать с лишним лет.

Что же касается отвлечения, то на дно большой хозяйственной сумки Мальэрик положил газету, трубу и прочие орудия, необходимые ему для исполнения номера, а сверху добавил большой ананас, взятый на кухне у Калверта. Если при выходе из дома он кого-нибудь встретит, то эти люди будут смотреть не столько на него, сколько на внушительный ананас.

Отойдя от здания почти на полкилометра, Мальэрик все еще оставался в образе пожилой женщины. Он замедлил шаг, а затем и вовсе остановился, прислонясь к стене дома так, словно хотел перевести дыхание. Потом он скользнул в темный проулок. Одно движение руки – и платье вместе с париком исчезло в небольшой эластичной сумке, висевшей у него на поясе. Сдавливая все заключенные в ней предметы, она делала их практически незаметными.

Одернув джинсы, Мальэрик вытащил из кармана платок, пропитанный средством для снятия грима, и протирал им лицо до тех пор, пока не стер все румяна и тени, после чего взглянул на себя в небольшое карманное зеркальце. Все было в порядке. Использованный платок он положил в хозяйственную сумку рядом с ананасом, а ее, в свою очередь, поместил в зеленую сумку для мусора. Найдя нелегально припаркованную машину, Мальэрик открыл багажник и сунул туда сумку. Полиции и в голову не придет обыскивать багажники стоящих здесь машин. К тому же машину наверняка отбуксируют отсюда, прежде чем к ней подойдет хозяин.

Вернувшись на улицу, Мальэрик направился к одной из вест-сайдских станций метро.

И что же вы думаете о втором номере нашей программы, моя почтеннейшая публика?

По его мнению, этот номер удался. Ведь исполнитель, даже поскользнувшись на проклятых камнях, все же сумел бежать, а после этого открыть и запереть за собой целых две двери.

Однако к тому времени, когда Мальэрик добрался до задней двери дома Калверта, все необходимые инструменты были у него уже в руках.

Тонкое искусство отпираания замков Мальэрик изучал в течение многих лет, это было едва ли не первое, чему его обучил наставник. Взломщик использует два инструмента – один из них вставляет в замок и поворачивает там, чтобы поджать фиксаторы; второй – это собственно отмычка, которая отодвигает каждый фиксатор замка, с тем чтобы тот открылся.

Если отодвигать их по одному, иногда уходит довольно много времени, но Мальэрик владел очень трудной технологией под названием «очистка»: при этом необходимо быстро двигать отмычку вперед и назад. Очистка сработает лишь в том случае, когда взломщик точно чувствует вращающий момент цилиндра и давление на фиксаторы. С помощью инструментов длиной в несколько сантиметров Мальэрик сумел не более чем за тридцать секунд открыть оба замка – на двери подъезда и в квартире Калверта.

Не кажется ли вам это совершенно невероятным, почтеннейшая публика?

Но уж такова задача иллюзиониста – сделать невозможное реальным.

Остановившись перед входом в подземку, Мальэрик купил «Нью-Йорк таймс» и бегло пролистал газету. За ним как будто никто не следил. Постояв еще немного, он быстро спустился к поезду. Осторожный исполнитель на его месте подождал бы, чтобы наверняка убедиться в

отсутствии «хвоста», но Мальэрик спешил. Следующий номер будет довольно сложным – он бросил себе настоящий вызов, поэтому должен подготовиться.

Он ведь не хочет разочаровать своих зрителей.

Глава 11

– Это ужасно, Райм, – стоя в дверях квартиры 1J, сказала в микрофон Амелия Сакс.

Рано утром Лон Селитто поручил диспетчерам Центральной докладывать ему обо всех убийствах в Нью-Йорке. Когда пришло сообщение именно об этом убийстве, они сразу решили, что работал Кудесник: прежде всего об этом свидетельствовала та загадочная легкость, с какой он проник в квартиру жертвы. Однако главным доводом в пользу такой версии были разбитые наручные часы – точно так же убийца поступил тогда с часами студентки.

Смерть тем не менее наступила по другой причине. Именно это и потрясло Сакс. Пока Селитто в подъезде отдавал указания детективам и патрульным, Сакс осматривала несчастную жертву – молодого человека по имени Энтони Калверт.

Он лежал на спине, распростертый на стоящем в гостиной кофейном столике, руки и ноги его были раскинуты в стороны и привязаны к ножкам стола. Живот был распилен до самого позвоночника.

Сейчас Сакс описывала это Райму.

– Что ж, – без всяких эмоций заметил Линкольн Райм, – убийца довольно последователен.

– Последователен?

– Я бы сказал, что он продолжает магическую тему. Веревки в первом случае. Распиливание человека пополам – во втором. – Райм повысил голос, вероятно обращаясь к Каре: – Это ведь магический трюк, верно? Когда кого-то распиливают пополам. – Пауза, потом он снова обратился к Сакс: – По ее словам, это классический трюк иллюзионистов.

Райм прав, поняла Амелия. Потрясенная увиденным, она не заметила связи между двумя убийствами.

Трюк иллюзионистов...

Хотя термин «убийство с расчленением» определяет это точнее.

«Будь бесстрастной, – сказала она себе. – Сержант должен быть бесстрастным».

Но тут ей в голову пришла одна мысль.

– Райм, ты не думаешь...

– Что?

– Ты не думаешь, что он был жив, когда преступник начал его пилить? Его руки раскинуты и привязаны к ножкам стола.

– О, так ты имеешь в виду, что он оставил что-нибудь для нас, какой-то намек на личность убийцы? Что ж, хорошо.

– Нет, – тихо возразила Сакс. – Я имею в виду боль.

– Ах вот оно что!

Ах вот оно что...

Но тут она заметила на виске у Калверта большую рану. Крови там было немного, значит сердце остановилось вскоре после того, как убийца проломил жертве череп.

– Нет, Райм, похоже, расчленение было посмертным.

Она смутно слышала, как криминалист разговаривает со своим помощником, приказывая Тому записать все это. Он говорил что-то еще, но Сакс не обратила на это никакого внимания. Вид жертвы привел ее в состояние шока, и она еще не оправилась. Но ведь именно этого Амелия и добивалась. Да, уже через мгновение она начнет осмотр места преступления – как ей и положено по службе. Однако смерть, считала Сакс, требует хотя бы нескольких секунд полного покоя. Эта мысль не была связана с религиозными соображениями, нет, это нужно было ей самой, чтобы не зачерстветь душой, а такое происходит со слишком многими представителями ее профессии.

Сакс вдруг осознала, что Райм что-то ей говорит.

– Что? – переспросила она.

– Я спрашиваю – оружие есть?

– Пока никаких признаков. Но я еще не провела осмотр.

В дверях появились сержант и еще один полицейский в форме.

– Мы поговорили с соседями, – сказал один из них, кивнув в сторону и тут же отводя взгляд. Сакс догадалась, что он еще не видел подобных зрелищ. – Погибший был тихим, славным парнем. Все его любили. Гей, но никакого крутого секса или чего-нибудь подобного. К нему давно никто не заходил.

– Непохоже, чтобы он знал убийцу, Райм, – произнесла в микрофон Сакс.

– Мы ведь не предполагали, что все произойдет именно так, правда? – отозвался криминалист. – Но у Кудесника своя программа – какова бы она ни была.

– Чем убитый занимался? – спросила Сакс полицейских.

– Грамер и стилист в одном из театров на Бродвее. В проходе мы нашли его сумку. Лак для волос, грим, кисточки. Он шел на работу.

Интересно, работал ли Калверт в коммерческой фотографии, и если да, не сталкивалась ли она с ним, когда сама подвизалась в модельном агентстве «Шантель» на Медисон-авеню? В отличие от многих фотографов и распорядителей гримеры обращались с моделями как с человеческими существами. Так, если распорядитель мог предложить: «Ну-ка давайте покрасим ее и посмотрим, что получится», гример иногда громко возражал: «Прошу прощения, но я не знал, что это изгородь».

В дверях, держа в руках сотовый телефон, появился детектив-азиат из Девятого участка, в который входил этот район.

– Ну, как тут дела? – беззаботно осведомился он.

– Дела идут, – пробормотал Селитто. – Есть идея, как он сюда попал? Жертва сама вызвала девять-один-один. Твои офицеры должны были оказаться на месте за десять минут.

– За шесть, – уточнил детектив.

– Мы подъехали без sireны и перекрыли все двери и окна, – сообщил сержант. – Когда вошли, тело было еще теплым. Мы осмотрели все вокруг, но нигде никаких признаков убийцы.

– Свидетелей нет?

Сержант кивнул.

– В подъезде мы встретили только старую леди. Она и впустила нас. Когда вернется, мы с ней поговорим. Может, она видела его.

– Она ушла? – спросил Селитто.

– Да.

Райм слышал все это.

– Ну что, ты ведь знаешь, кто это был, не так ли?

– Черт возьми! – воскликнул полицейский.

– Да нет, все в порядке, – сказал детектив. – Мы оставили свои карточки под каждой дверью. Одна из них ведет в ее квартиру. Она нам позвонит.

– Не позвонит! – заявила Сакс. – Она и была убийцей.

– Она? – засмеялся сержант.

– Это была вовсе не она, – пояснила Сакс. – Он только выглядел как старая леди.

– Эй, офицер, – прервал ее Селитто, – не впадайте в паранойю. Не мог же этот парень так быстро сменить пол.

– Мог. Вспомните, что нам говорила Кара. Это был он, лейтенант. Спорим?

– На это я не стал бы делать ставку, Сакс, – тихо сказал ей Райм.

– Ей же было лет семьдесят, – защищался сержант. – И она тащила большую сумку.

Ананас...

– Вот смотрите. – Сакс указала на кухонный стол, где лежали два узких листа, а рядом с ними небольшая карточка с рецептами приготовления всяких вкусных вещей из ананасов.

Черт! Он был у них в руках – и ушел.

– К тому же, – продолжал Райм, – в хозяйственной сумке у него, вероятно, были орудия убийства.

Сакс сразу повторила это помрачневшему детективу из Девятого.

– Вы ведь не видели ее лица? – спросила она сержанта.

– В общем-то, не видел. Лишь мельком взглянул. Она была вся раскрашена. Лицо... как же это называется? Моя бабушка этим пользовалась.

– Румяна? – подсказала Сакс.

– Ну да. И брови были подведены... Ну, теперь мы ее разыщем. Она... он не мог далеко уйти.

– Он снова переоделся, Сакс, – сказал Райм. – И вероятно, выбросил одежду неподалеку.

– Сейчас на нем что-то другое, – обратилась Сакс к детективу. – Но сержант может дать описание одежды. Надо послать наряд проверить здешние мусорные ящики и проулки. Он должен был сбросить все, чем пользовался, и как можно скорее.

Детектив холодно оглядел ее с головы до пят. Предостерегающий взгляд Селитто напомнил Сакс о том, что, готовясь стать сержантом, не следует вести себя так, будто ты им уже стала. Он, однако, подтвердил распоряжение Сакс, и детектив тут же отдал соответствующий приказ.

Надев комбинезон, Сакс начала осматривать место преступления – квартиру, подъезд и проулок (где нашла самую странную улику из всех, с какими встречалась, – игрушечную черную кошку). После этого она осмотрела тело жертвы и собрала возле него вещественные доказательства.

Сакс уже направлялась к машине, когда Селитто остановил ее.

– Эй, подождите, офицер! – В руке толстый детектив держал телефон. Судя по выражению его лица, у Селитто только что состоялся неприятный разговор. – По делу Кудесника я должен встретиться с капитаном и заместителем комиссара. Но мне нужно, чтобы ты кое-что для меня сделала. В бригаду придется кого-то добавить. Я хочу, чтобы ты съездила за этим парнем.

– Нет проблем. Но зачем нам кто-то еще?

– За четыре часа мы имеем два трупа и ни одного подозреваемого! – отрезал он. – А это значит, что начальство волнуется. И вот тебе первый урок, объясняющий задачи сержанта: если начальство волнуется, ты тоже не останешься равнодушной.

Мост Вздохов.

Так называется надземный переход, связывающий уголовный суд с Центром предварительного заключения для мужчин, находящимся на Сентрал-стрит в Нижнем Манхэттене.

По этому переходу шествуют величественные мафиози, на совести которых сотни оплаченных убийств. Идут замученные юноши, виновные лишь в том, что каждый из них всадил бейсбольную битку в задницу негодяю, обрюхатившему его сестру или кузину. Идут нервные придурки, убивающие туристов за какие-то сорок два доллара, – «потому что мне нужен был крэк¹³, очень нужен, ребята...»

Теперь по этому мосту шла Амелия Сакс, тоже направляясь в это учреждение, неофициально известное как Гробницы – название, унаследованное от прежней городской тюрьмы¹⁴, находившейся на другой стороне улицы. Назвав свое имя охраннику, Амелия сдала «глок» (пружинный нож Сакс оставила в «камаро») и вошла в находящуюся по ту сторону

¹³ Крэк – сильнодействующий наркотик.

¹⁴ Имеется в виду тюрьма Томбс (англ. tombs – гробницы, могилы).

тяжелой двери зону безопасности. Дверь тут же с лязгом захлопнулась. Через несколько минут из комнаты для допросов вышел тот человек, за которым она и приехала, – элегантный мужчина лет сорока, с редящими каштановыми волосами и слабой улыбкой, словно отпечатавшейся на его добродушном лице. Поверх синей рубашки и джинсов на нем была черная спортивная куртка.

– А, привет, Амелия! – по-южному растягивая слова, сказал он. – Стало быть, ты приехала, чтобы доставить меня к Линкольну.

– Привет, Рол!

Детектив Роланд Белл расстегнул куртку, и Амелия мельком увидела, что у него на поясе. В полном соответствии с правилами сейчас он тоже был без оружия, но под курткой у детектива висело целых две пустых кобуры. Работая вместе, они часто делились историями о том, как «забивают гвозди» – так на Юге называют стрельбу. Для Белла это было своего рода хобби, а для Сакс – настоящим увлечением.

К ним присоединились еще двое мужчин, тоже находившихся в комнате для допросов. С одним из них Амелия уже встречалась раньше. Этого невозмутимого детектива с внимательным взглядом звали Луис Мартинес. Сейчас он был в деловом костюме.

На втором были брюки цвета хаки и черная рубашка под немного выцветшей ветровкой. Сакс он представился как Чарльз Грейди, но Амелия и так знала его в лицо: среди нью-йоркских служителей правопорядка помощник прокурора округа был знаменитостью. Этот худой, среднего возраста выпускник Гарвардского университета все еще оставался в прокуратуре, хотя его сверстники давно уже перешли в более прибыльные места. Пресса регулярно писала о мертвой хватке Грейди, называя его бультерьером. Помощника прокурора сравнивали с Рудольфом Джулиани, но, в отличие от бывшего мэра, Грейди не имел политических амбиций. Его вполне устраивало то, что он остается в прокуратуре и удовлетворяет свое чувство справедливости, «отправляя плохих парней в тюрьму».

А делать это он умел очень неплохо. Список осужденных им злодеев был одним из наиболее внушительных за всю историю города.

Белл оказался здесь благодаря тому делу, которое вел Грейди. Штат возбудил обвинение против сорокапятилетнего страхового агента, проживавшего в небольшом поселке к северу от Нью-Йорка. Там Эндрю Констебля знали не только как страховщика, но как одного из предводителей местного ополчения¹⁵, организации под названием «Ассамблея патриотов». Его обвинили в заговоре с целью совершения убийств и разжигания ненависти, и дело для большей объективности передали в Нью-Йорк.

По мере приближения судебного заседания Грейди начали угрожать физической расправой, а несколько дней назад ему позвонили от Фреда Деллрея, агента ФБР, часто работавшего вместе с Раймом и Селитто. Сейчас сам Деллрей вплотную не занимался секретной антитеррористической деятельностью, однако его коллеги получили информацию о том, что на жизнь Грейди готовится покушение. В ночь со среды на четверг на офис Грейди был совершен налет, и тогда обратились за помощью к Роланду Беллу.

Официально этот любезный и учтивый уроженец Северной Каролины работал вместе с Лоном Селитто по делам об убийствах и прочих тяжких преступлениях. Но неофициально он также возглавлял подразделение нью-йоркских детективов, известное как спецназ. Только вот это «специальное назначение» заключалось в заботе о безопасности свидетелей.

Как выражался Белл, он обладал «особым умением сохранять жизнь тем, кого другие хотят убить».

В результате Белл нес двойную ношу, занимаясь, кроме обычных расследований, еще и охраной свидетелей.

¹⁵ Речь идет о крайне правых воснизированных формированиях.

Но теперь охрана Грейди была на месте и начальство – взволнованное начальство – решило направить усилия Белла исключительно на поимку Кудесника. Бригаде следовало нарастить мускулы.

– Так вот он какой, Эндрю Констебль. – Обращаясь к Беллу, Грейди кивнул в сторону грязного окошка, за которым находилась комната для допросов.

Приблизившись к окну, Сакс увидела стройного, приличного вида заключенного в оранжевом комбинезоне. Он сидел за столом, опустив голову, и слабо кивал.

– Вы этого ожидали? – продолжал Грейди.

– Даже не знаю, – протянул Белл. – Я думал, что он настоящая деревенщина. Такой, знаете ли, закоренелый фанатик. А этот парень умеет себя вести. Должен сказать, Чарльз, он не выглядит виновным – и это факт.

– Конечно нет, – поморщился Грейди. – Будет трудно добиться его осуждения. – Он сухо засмеялся. – Но ведь именно за это мне и платят такие громадные деньги! – Зарплата Грейди была меньше, чем у младшего сотрудника юридической фирмы где-нибудь на Уолл-стрит в первый год работы.

– Что-нибудь еще известно о налете на ваш офис? – спросил Белл. – Предварительный отчет с места преступления еще не готов? Мне нужно взглянуть.

– Отчет сейчас готовят. Мы обязательно получим экземпляр.

– В данный момент нам придется заняться другим делом, – сообщил Белл. – Я оставлю с вами и вашей семьей своих парней и девочек. Но вы всегда можете позвонить мне.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.